

ТАТЬЯНА
ВЕДЕНСКАЯ

АЛЬБЕРТ СТОУН

ЗНАК

И:НА

УБИЙСТВО ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО

Татьяна Веденская

Знак И-на

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веденская Т.

Знак И-на / Т. Веденская — «Эксмо», 2019

В канун Нового года на собственной даче зверски убит подполковник полиции Морозов. Местный следователь считает, что это дело рук грабителей, но Иван Третьяков, коллега убитого из Москвы, замечает в деле необъяснимые нестыковки. Может ли дочь и единственная наследница подполковника быть причастна к убийству? Хладнокровная студентка-отличница явно что-то скрывает. Однако экспертиза разбивает вдребезги все логичные версии. Что, если смерть Морозова – только звено в цепи? В этом случае неуловимый убийца будет убивать еще и еще... Читайте остросюжетный детектив Татьяны Веденской и Альберта Стоуна.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Веденская Т., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Acknowledgments	6
1	8
2	14
3	18
4	21
5	24
6	28
7	31
8	36
9	39
10	42
11	47
12	52
13	56
14	59
15	61
16	65
17	69
18	73
19	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Татьяна Веденская, Альберт Стоун

Знак И-на

© Саенко Т., 2019

© Стоун А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Представленное произведение является плодом воображения авторов. Все имена, события, места и обстоятельства вымышленные. Все совпадения случайны и ненамеренны.

Моему любимому мужу Игорю. Без тебя этой книги никогда бы не было.

Acknowledgments

Авторы выражают самую искреннюю благодарность всем тем, кто помогал и поддерживал их при создании этой книги, а именно:

Екатерине Шуршаловой за то, с какой легкостью ты заставила меня пересмотреть всю мою жизнь. To **Trevor Toler** for all the ideas we created together, especially the tin can trick. To **Margarita Toler** for all the crazy things we've done together, and for being my daughter. **Анастасии Саенко** за титаническое терпение и понимание, проявленные в период написания этой книги. Я всегда знаю, что могу на тебя рассчитывать. **Дмитрию и Татьяне Макаровым** за то, как неожиданно сплелись наши пути, и за ответ, который они дали на мучивший меня вопрос. To **Trey Toler** for always being there for us, and for our conversations and brainstorming. I hope you enjoyed it just like I did. To **Michael Caton** whose interview was very inspirational. To **Toler Albright** for the talks that always make me think of what's really important. **Павлу и Ольге Киселевым** за бесценную информацию о том, как выглядит мир охотника изнутри. Моему бессменному литературному агенту **Натану Заблоцкису** за его здравый смысл и поддержку в момент, когда я затеяла «это безумие». Издательству **ЭКСМО** в целом и отдельно **Екатерине Панченко** за ценный совет, данный в очень нужную минуту, **Екатерине Неволينو** за терпение и понимание, с которыми она выносит меня. To **Dr. Lennox E. Superville** for becoming my friend in the moment I really needed a friend. To **Justin Goodson** for always giving me some new fascinating Real Life stories. We love you to death, buddy, lol. To **James Higgins** for all the small yet interesting things you told me about being a police officer. To **Joseph Edwards** for answering my questions and sharing my passion for badminton. **Антону Саенко** за криптовалюту и за умение читать. Компании «**Айс Студия-Продакшн**» за создание промо-ролика «История Альберта» и отдельно руководителю студии **Анастасии Михайловой** – ты всегда умудряешься достигать недостижимого и делать то, что невозможно. Режиссеру **Гайдару Батырханову** за его взгляд на историю И-НА. **Виталию Лаптеву** за исполнение роли Черного Воина, **Юрию Бессонову** за исполнение роли Альберта Стоуна. **Сергею Михайлову** за нескончаемый фонтан идей, особенно за «трейлер и закадровый голос». **Инне Поцелуевой** за информацию о хостелах.

Также авторы выражают благодарность всем тем, кто участвовал в мозговых штурмах, всем первым читателям И-НА и ее невольным редакторам и просто всем тем, кто был рядом:

Виктории Шуршаловой, Евгении Пчелкиной, Валерии Гусевой, Елене Ивановне Саенко, Анатолию Ивановичу Саенко, Евгению Владимировичу Демченко-Старшему (за выбор между человеком и лосем), Алдоне Кутрайте, Диляре Зайнеевой, Никите Киселеву и многим другим.

Отдельно – благодарность нашим друзьям из социальных сетей. Ваши письма и посты тоже порой становились источником вдохновения.

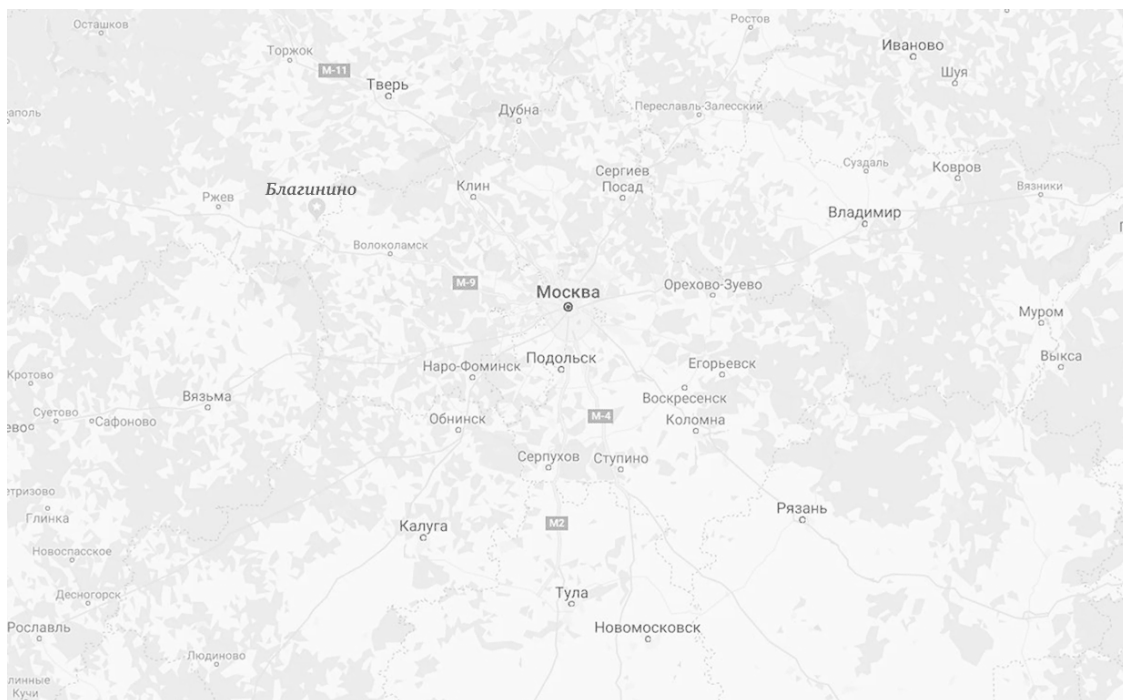
Отдельно выражаем благодарность Искусственному Интеллекту и Алгоритмам, позволяющим включить в работу над книгой Всемирный Разум.

Дохристианская письменность славян (докириллическая письменность) – письменность (возможно, руническая), существовавшая, по мнению отдельных исследователей, у древних славян

*до начала их христианизации и до создания глаголицы и кириллицы
Кириллом и Мефодием.*

WIKIPEDIA

Чудесное можно найти во всем, даже в темноте и тишине.
Хелен Келлен



1

30 декабря Деревня Благиново, Тверская область

Местные жители потом говорили, что дом с самого начала был проклят, еще с постройки. А то, что его удалось потушить и он не сгорел дотла, так то даже хуже, куда страшнее пепелища. Кто-то даже добавлял себе под нос, что нужно пойти, облить все бензином и спалить до конца, к чертовой матери.

Очистительный огонь. Чтобы ничего не осталось, чтобы зло не просочилось, не впиталось в их чистую русскую землю, не перебросилось на других людей. Не от ненависти, говорили, а от страха. Даже и сам Иван Третьяков, хоть и всякое повидал за десять лет в полиции – работа такая, никуда не денешься, вся грязь земная проходит через их решето, – но и он выбежал на улицу, согнулся пополам и рвано дышал, пытаясь справиться с приступом тошноты. А потом не мог вспоминать без содрогания то, что увидел в ту ночь на пожаре.

Сгоревший дом стоял на краю деревни Благиново, последним в ряду бревенчатых изб и почти у кромки небольшого пролеска. Полная изоляция, ради которой многие москвичи покупали дома в этих местах, и Андрей Петрович Морозов не был исключением. Именно за эту тишину в свое время Морозов выбрал и так полюбил свой дом в Благине. Говорил Ивану, что порой за три дня ни одной машины мимо его дома не проедет. В ту ночь одна машина все-таки проехала – собственный черный кроссовер Морозова, «BMW» с красивым номером из трех семерок стоял во дворе сгоревшего дома. Дорогой автомобиль смотрелся на фоне старых бревенчатых построек нелепо, как космический корабль на парковке «Ашана». На капоте черной машины лежали снег и пепел.

Около машины Ивана Третьякова и скрутило. Согнулся пополам, обхватил самого себя руками, словно испугался, что может развалиться на части, на атомы. Черно-белый мир наваливался на него, давил на виски. Бескрайний снег, лысые березы, гарь и пепел. Все проявлялось ярче и отчетливее, как фотография на старой фотографической бумаге. Воздух был обжигающе холодным, а бездонное небо переливалось и сияло мириадами звезд. Холодно и ясно. Глаза привыкли к темноте, и почерневшие стены морозовского сруба виднелись отчетливо. И крыша, провалившаяся внутрь по центру дома. Образовавшаяся дыра – как будто космическое чудовище выгрызло середину крыши огромными зубами. Внутри – выгоревшая вагонка, черные, в копоти, стены и мебель, залитая водой. О том, что было там, внутри, посредине комнаты с печью, Иван не хотел, но не мог не думать.

Там, в глубине комнаты, спокойно и величественно сидел, как на троне, обуглившийся мертвец. Поверить в то, что этот мертвец и есть Андрей Петрович Морозов, человек, с которым Иван надеялся отпраздновать Новый год, было невозможно. Его обугленные руки ровненько лежали на подлокотниках массивного кресла. Туловище сгорело тоже, но хуже всего дело было с головой, а точнее, с тем, что от нее осталось. Черный череп вместо лица. Пустой взгляд выгоревших глазниц. По телу Ивана Третьякова пробежали дрожь и какой-то первобытный, животный ужас, словно это на него посмотрела сама смерть. Внутри дома невыносимо пахло расплавленным пластиком, гарью и гнилью, все кругом было засыпано трухой и пеплом, но эта безмолвная черная фигура с ненормально прямой спиной и острыми коленями была страшнее всего. Поэтому и выскочил Иван на улицу. Не готов оказался, если к такому вообще можно оказаться готовым.

– Эй, ты в порядке? – как через вату, при контузии, услышал Иван чей-то голос за спиной. – Ты откуда взялся? Вот черт, ты зачем туда полез, горемыка? Может быть, врач нужен?

– Я в порядке, – пробормотал Иван и посмотрел в сторону голоса.

Над Иваном навис пожарный, молодой паренек с перепачканным сажей лицом. Он стоял у одной из двух машин пожарного наряда и смотрел с сочувствием.

– То, что ты в порядке, прямо бросается в глаза. Ты зачем в дом полез? Больше всех надо?

– Да, – пробормотал Иван зло, с вызовом. Другие пожарные посмотрели на Ивана с неодобрением, но ему было совершенно наплевать. – Да, мне надо больше всех.

– Ты местный, что ли?

Машину Иван бросил за калиткой, со двора не видно. Местный? В принципе, почему нет? Иван родился и вырос в Твери, в этой же области. Не в деревне, конечно, но за годы работы в уголовном розыске москвичом себя он так и не ощутил. Да и никем он себя не ощущал, разве что опером, ищейкой. Иван выпрямился и помотал головой.

– Нет, не местный.

– Из Москвы приехал? К нему? – уточнил пожарный.

– Черт, этот запах... – не стал отвечать Иван. – Что тут случилось?

– А так непонятно? – сухо хмыкнул другой пожарный. – Бытовое возгорание.

– Это я понимаю. – Иван раздраженно пнул мыском ботинка грязный ком снега. – А причина?

– Да обычная причина, – влез второй пожарный. – Хозяин уснул с сигаретой.

– Значит, вы уверены, что это – там, в кресле – хозяин дома? И он сам поджег свой дом своей сигаретой? Это факты или ваши предположения?

Из-за сбившихся кучкой пожарных вышел один постарше, жилистый, худощавый от природы – из тех людей, что никогда не задумываются над тем, что едят, и ни разу в жизни не были в спортзале за ненадобностью. Посмотрел на Ивана недоброжелательно.

– Информация о причинах пожара разглашению не подлежит. К тому же причины еще будут определены. Попрошу вас покинуть периметр, уважаемый, и не мешать работе.

– Вашей работе? – холодно переспросил Иван. – Я почему спрашиваю: вроде как если на адресе имеется труп, то это уже не ваше дело, а полиции.

– А вы, собственно, сам кто будете? – Жилистый шагнул вперед, встал вплотную к Ивану, планируя оттеснить его к улице.

– Просто прохожий. – Иван сплюнул, но отходить не стал. Так они и стояли, смотрели друг на друга. Иван сдался первым. – Я просто хочу понять, как именно было установлено, что человек, сидящий в кресле, – именно хозяин этого дома. Я хозяина знал, но вот опознать бы не смог – так он обгорел. Как по мне, нет никаких способов провести визуальную идентификацию.

– Да кто ж еще мог уснуть в кресле перед печкой тридцатого декабря в доме почти в двухстах километрах от Москвы? Машина его? – спросил жилистый примирительно. Иван отвернулся и недовольно кивнул. – Вот, машина его. Выпивал он по жизни? Да ладно, чего там. Около кресла бутылка валяется из-под вискаря. Сам видишь, прохожий, картина вырисовывается типичная. Иди, посиди в машине. Мы полицию вызвали, они тебе лучше нас ответят. Только вот когда они приедут, черт знает. Тебя хоть звать как, прохожий?

– Иван.

– А я – Алексей. – Пожарный подал Ивану руку, показал, что, мол, не враги. На одной стороне баррикады. Одно дело делаем. Он молча присматривался к Ивану, а потом перевел взгляд на дом. – Друг твой? Соболезную.

– Спасибо, – хрипло ответил Иван. Только тут до него начала по-настоящему доходить мысль, что страшный царственный мертвец в кресле – это он, Петрович, его бывший шеф, и что они не отпразднуют вместе Новый год. Больше никогда.

– Ты не представляешь, сколько у нас таких случаев, когда вот так же засыпают, выпивши, и сгорают.

– Представляю, – бросил Иван и получил удивленный взгляд пожарного. Ах, да, он же не знает, сколько раз Ивану приходилось выезжать на «головешки». Так что да, Иван знал, как

много алкашей засыпает в своих креслах, на своих кроватях с горящими сигаретами, с валяющимися на полу бутылками с недопитым алкоголем, как часто пожар перекидывается на квартиры ни в чем не повинных соседей.

– Ну-ну, – кивнул пожарный, решив не развивать тему. – Хозяин-то чего, бизнесменом был?

– Почему бизнесменом? – удивился Третьяков.

– Непростой хозяин, говорю тебе, – продолжил тот, неожиданно перейдя на «ты». – Машина дорогая, и в доме тоже всего полно.

– А вы все осмотрели уже? – бросил Иван, и Алексей сжал губы, отвернулся. «Черт, – подумал Иван, – обидел человека». – Я не к тому, Леш. Прав ты, Петрович был непростым человеком. В смысле – все у него было. И вообще он был – мировой мужик, знаешь, правильный. Старая школа, что ли. Просто в голову не лезет, как же так? Не повезло, черт. Прямо под Новый год.

Пожарный чуть оттаял.

– А ты к нему приехал или сам тут домик имеешь?

– В гости приехал, на Новый год, – ответил Иван.

Пожарный помолчал, а потом пробормотал, словно нехотя:

– Тут места вообще пользуются спросом, много тут этого непростого народу на дорогах внедорожниках. В основном охотники.

– Почему именно охотники?

– У нас отсюда деревнями до Завидова – меньше часа, так что и народ соответствующий. Те, кто к охоте равнодушен, ближе к Москве едут, там комфорту больше, супермаркетов. А тут, как говорится, и далеко, и дорого. А твой друг точно был охотником, причем заядлым.

– Как определил? – спросил Иван.

Алексей фыркнул и посмотрел на дом.

– Ты его сейф видел? У меня, наверное, дом стоит меньше, чем его сейф. Там жить можно, он в высоту почти в человеческий рост, а внутри – Клондайк. «Бинелли, пятизарядка», и браунинг нарезной, и вертикалка «Иж».

– Да ты, смотри, специалист, – хмыкнул Иван.

– У меня такая же вертикалка, так я на нее полгода у жены деньги выпрашивал. Не оружие, а мечта, перекроет любого крупного копытного зверя и бог еще знает чего. Я из вертикалки однажды лося завалил. Это тебе не хухры-мухры.

– Алексей, я вот чего хотел спросить, – прервал его Иван. – Не дает мне это покоя, уж поймите. Он ведь должен был хотя бы попытаться спастись, разве нет? Он в этом кресле застыл, словно даже не заметил огня. Спал, да? Я понимаю, может, он был выпивши, это у него бывает. Он вообще может перебраться, но ведь должны же инстинкты включиться. Когда вокруг такой ад крошечный, ты же проснешься, да? А он даже руки не поднял, так и остался сидеть. И ведь непохоже, что он спит, так прямо сидит и словно смотрит перед собой. Неправильно, тебе не кажется?

– Неправильно – это да, но я бы не сказал, что необычно, – пожал плечами Алексей и вывернул голову, высматривая что-то на дороге. – В таких историях никогда ничего правильного не случается, но насчет сопротивления... Понимаете, люди в таких обстоятельствах ведь погибают не столько от огня, сколько от дыма. Сколько раз я видел такое: черные головешки с черепами лежат, а руки под головами сложены так уютненько – спят вечным сном, так и не проснувшись. Угорают, понимаете? Те, кто оказался пойманным в огне в сознании, – те, конечно, ползут к выходу, или в шкаф прячутся, или в окно прыгают. Ну, а руками, конечно, пытаются лицо закрывать, скукоживаются. Но если во сне, то вот именно так... жутковато.

– Значит, умер во сне. Во сне – это хорошо, – кивнул Иван, найдя хоть небольшое, но успокоение в этом факте. – Хоть так.

Иван замолчал, разглядывая обгоревший остов под огромным звездным небом. Поежился – холод был за минус двадцать, это точно. Холод и снег, чистота и пустота. С Новым годом, Третьяков. Вообще-то он собирался справлять дома с женой и детьми, как и положено, потому что Новый год – семейный праздник. Но это для тех, у кого есть семья, а у него теперь – не пойми что.

Еще вчера Иван с нетерпением ждал праздника, готовил подарки сыновьям, а приглашение Морозова приехать в Благино принял из вежливости, с оговоркой, что постарается, конечно, но вряд ли. Жена же, то-сё. Да Морозов на него и не рассчитывал. Сказал, приезжай, когда захочешь, но имей в виду, сезон заканчивается. Иван фальшиво вздохнул. К охоте он относился более чем спокойно. Охоты ему и на работе хватало. И лосей, и оленей. Однако планы у Третьякова поменялись. Примерно четыре часа назад он вылетел из своей квартиры на улицу, не имея ни малейшего представления о том, что делать, что думать и как жить дальше. Новый год его волновал меньше всего. Он запрыгнул в свой кредитный «Форд», а куда ехать – не знал. Так и сидел, и кричал, и стучал кулаком по рулевой панели, и матерился так, что проходившие мимо случайные прохожие озирались.

Чуть успокоившись, Иван достал телефон и набрал номер Морозова – просто потому, что захотелось убраться подальше из этого мерзкого, грязного города. К тишине и пустоте. Замерзнуть, к лешему, в снегу, в лесу – и все. Напиться до чертей. Напиться – это точно к Морозову. Поэтому и позвонил. Морозов ответил после шестого гудка, он был нетрезв и весел. Сказал, что сам только пару часов назад приехал, что ребята все приедут только завтра, что он один и будет только счастлив, если Ваня приедет. Попросил привезти грибов каких-нибудь соевых на закуску – купить в «Азбуке» по дороге, на Новой Риге. Морозов денег никогда не считал, отсюда и рекомендация заехать именно в «Азбуку». Грибы Иван купил в «Пятерочке» рядом с домом в Солнцева. Морозов бы все одно разницы не заметил.

И вот теперь Иван был тут, посреди зимы и глубокого снега, напротив обугленных развалин, а в машине у него валялись ненужные маринованные маслята. И что делать дальше, он не имел ни малейшего понятия.

– Ты в машину иди, замерзнешь, прохожий, – сказал пожарный, и Иван вздрогнул. Забыл, что стоит не один.

– Сейчас, да, – слова еле выпадали, Иван говорил тихо, через силу.

– Он кто тебе был? Друг? Родственник?

– Вообще, Петрович был моим начальником, – сказал Третьяков. И, словно оправдываясь, добавил: – Не то чтобы прямым начальником, мы с ним из одного управления. Он был из боссов, но, знаешь, с людьми всегда был по-простому. На равных как бы. Вообще, у нас это нетипично. Все обычно любят выделяться.

– А чего, где-то боссы по-другому себя ведут? – хмыкнул Алексей. – У нас тоже на одного пожарного – пять руководителей. А что, родственники у него какие-то остались? Семья, жена? Надо сообщить же.

– У него только дочь, – вспомнил Иван.

– Маленькая? – спросил Алексей. – Почему только дочь? А жена? В разводе?

– Может, и в разводе. Не знаю почему, но нет жены, а дочь – студентка вроде. Да, точно, Петрович говорил, что у него дочка в МГУ поступила. Он этим гордился как сумасшедший.

– Ничего себе, МГУ. Вот как только люди туда попадают? У меня сын в инженерный только со второго раза... А родители?

– Чьи? Дочери?

– Нет, я про родителей погибшего. Живы?

– Да, кажется. Где-то в Беларуси, Петрович к ним прошлым летом ездил, чего-то там помогал строить, – ответил Иван и тут же взмолился, чтобы каким-то образом миновала его чаша сия, чтобы не он, а кто-то другой сообщал им о том, что произошло.

– Это нехорошо, нехорошо. Не должны дети умирать раньше родителей. Номер-то дочери есть? Черт, где ж эти brave полицейские? Нам тут чего, до утра торчать? Два часа чтобы на труп ехать... «Скорой», кстати, тоже нет, но это как раз объяснимо. Народ словно целью своей ставит убиться за праздники. Но два часа?! Нормально?

– Да уж, нас порой не дожدهшься, – кивнул Иван, и Алексей моментально изменился в лице. Помрачнел и засопел, словно у него резко нос забился.

– Нас?

– Ну да, я же и сам из полиции, – пояснил Третьяков с показным, преувеличенным добродушием. – Правда, оформить не помогу, не моя юрисдикция, как говорится, и не при исполнении.

– Серьезно? Ты из полиции и просто позабыл об этом сказать? – съязвил Алексей. Затем стянул с головы каску. – Погоди-погоди, так это что получается... Наш погорелец тоже, что ли... ты же сказал, коллеги...

– Андрей Петрович Морозов, подполковник полиции, начальник нашего управления. А я – вот, – Иван достал из куртки удостоверение. Несколько секунд ушло у Алексея, чтобы прочитать, что Иван Юрьевич Третьяков – майор полиции в должности старшего оперуполномоченного районного управления МВД и что выдано удостоверение Москвой. Прочитав все это, пожарный Алексей еще больше засопел и даже побледнел, если такое возможно заметить на лице человека, только что вышедшего с пожарища.

– Представляю, какой шум поднимется, – сказал он с тоской. – Вот черт, подполковник из Москвы! Только этого нам тут не хватало, да еще под Новый год. Хотя какая разница, когда. Для таких новостей нет хороших дней.

– Да чего ты дергаешься, как червяк на крючке? Чего-то не так было, когда тушили, что ли? Ты же говорил, он уже умер, когда вы приехали. Какие к вам-то могут быть вопросы? Вы же ничего не могли сделать, да? – Против воли в голосе у Третьякова появились металлические нотки.

Алексей покачал головой.

– Какие к нам вопросы? – сказал он зло. – Это у меня теперь есть вопросы. Что, где, когда, понимаешь? Что за херня – ни полиции, ни «Скорой» – никого. А потом скажут, что мы не спасли подполковника из Москвы. Не вы – так народ скажет. Журналисты какие-нибудь. И где эксперты, где криминалисты? Может быть, там уже сейчас какие-нибудь улики исчезают навсегда.

– Какие улики, ты же сам говорил – бытовое возгорание.

Иван внимательно смотрел на Алексея. Тот растерянно развел руками.

– Я-то откуда знаю. Ты что, не понимаешь, прохожий, что не сгорают просто так, на ровном месте подполковники из Москвы!

В голосе пожарного зазвенела паника. Иван прикусил губу и посмотрел на дом. Алексей мог быть очень даже прав. Если погибает подполковник полиции, пусть спяну и во сне, тут же всю деревню перекопают и – так, на всякий случай – кому-нибудь по шапке надают, а кому-то и голову с плеч. Просто чтобы все смотрелось солидно. Чтобы вовремя принять меры.

Алексей вдруг потерял к Ивану интерес и, хрустя снегом, побежал за рацией – как раз, чтобы немедленно «принять меры». Иван слышал, как Алексей на весь двор громко ругается с диспетчерской, требует, чтобы там перестали бить баклуши, проследили за кем-то и тоже приняли эти самые чертовы меры уже и перестали спать на работе. «Принимать меры» было словно пароль. Скажи – и ты больше не «водишь».

Краем глаза Иван заметил, как другой пожарный, юркий и молодой, бежит к Алексею, да так, что чуть не спотыкается. Иван взгляделся. Молодой и юркий что-то говорил Алексею и заполошно жестикулировал. Потом Алексей отпрянул, громко и зло крикнул: «Что ты мелешь?», и Иван понял – случилось что-то непредвиденное. Алексей побежал в сторону сгоревшего, местами чуть дымившегося еще дома, Иван припустил за ним. Меньше всего на свете Ивану хотелось возвращаться туда, где посреди мертвого холода, черноты и дыма восседал, как король на троне, его мертвый босс. Больше всего на свете Иван хотел вернуться в прошлое, на пять часов назад, остаться в Москве, поехать к кому-то другому или просто напиться и уснуть в машине. Но он – здесь, и этого изменить нельзя.

Обломки мебели, уголь и пепел хрустели под ногами. Погибший сидел все в той же пугающей позе, глядя незрячими глазами в никуда, а пожарный опустился рядом с ним на корточки и всматривался во что-то на полу рядом с креслом. Затем он поднял взгляд и посмотрел на Ивана так, словно был дезориентирован, сбит с толку.

– Что не так? – спросил Иван.

– Он, кажется, был привязан к креслу, – проговорил Алексей.

2

Иван застыл, завис на несколько мгновений – как компьютерная программа, тормозящая из-за атаковавшего его вируса, – а затем заметил, что пожарный Алексей тянет руки туда, к пеплу на полу.

– Нет! – рявкнул Иван, и Алексей отдернул руку, как будто его обожгло. Медленно, словно боясь потревожить тикающую бомбу, Иван подошел к Алексею и так же медленно присел на корточки рядом с ним. – Пожалуйста, ничего больше не трогай.

– Да я и не трогал, – обиженно пробормотал Алексей, но Третьяков его задетые чувства проигнорировал.

– Важно, чтобы все осталось на своих местах.

– Думаешь, это что... убийство? – прошептал Алексей.

– Я думаю, что это – возможное место преступления, и нужно сделать так, чтобы до приезда экспертов тут больше ничего не потревожили. Я имею в виду не только дом, но и двор, и дорогу около дома, и снег за домом. Понимаешь меня, Алексей? Ты даже не можешь сейчас откатить свои машины. Нужно сохранить хотя бы те следы, что остались.

– Мы приехали тушить бытовой пожар, понятия не имели, что внутри вообще кто-то есть... Ты сам видел, да? – Алексей смотрел заискивающе. – И полицию мы вызвали, они просто не приехали.

Иван заговорил ровно, монотонно, как говорят с сумасшедшим, у которого в руке нож.

– Никто вас ни в чем не обвиняет. В данный момент полиция на адресе есть, и это я.

– Но ты же сам говорил – юрисдикция. И потом, ты его знал.

– Ничего, – убаюкивающе кивал Иван. – Это ничего. Я же ему не родственник. А юрисдикция сейчас никакой роли не играет. Если моего друга убили, нужно найти убийцу, не так ли? Это главное, да? Ты мне поможешь, Алексей?

После некоторой заминки Алексей кивнул.

– Вот и хорошо. Сейчас ты пойдешь и выведешь людей со двора так, чтоб они не наследили слишком сильно. Потом ты еще раз свяжешься с вашей диспетчерской и доложишь обстановку. Назови им мое имя и должность. Ты все понял? Алексей? Ты меня слышишь?

– Да, слышу, – кивнул тот и вышел.

Оставшись один, Иван снова склонился к основанию кресла. Такие кресла редко встретишь, особенно на дачах. Массивное, изогнутое, кожаное – Иван хорошо помнил, как радовался Петрович в октябре, когда кресло притащили друзья – подарок на пятьдесят первый день рождения. Трудно выбрать подарок человеку, у которого есть буквально все. Петрович был к деньгам равнодушен, но вот массажное кресло – другое дело. Стоило такое целое состояние, ну так и друзья у Морозова были непростые люди. Ивана тоже пригласили тогда – и на охоту, и на праздник. Народу понаехало – тьма. Дачные соседи-собутыльники, бизнесмены в костюмах от Brioni, коллеги по работе всех званий и мастей. От приглашений Морозова редко кто отказывался. Двор тогда был забит под завязку всеми видами тачек, от «Жигулей» до «Bentley».

Самое смешное, что самому Петровичу, кажется, на всех них одинаково плевать было. Ему бы только за кабанами по лесу гоняться. Но кресло оценил и одобрил, только в нем потом и сидел.

Иван долго рассматривал еле заметные среди пепла линии и хмурился. Подозрение – черное и страшное – кажется, подтверждалось. Две обгоревшие и упавшие на пол кабельные стяжки – такими в строительных магазинах связывали товар – с затянутыми в пластиковых замках обрубками жесткого пластикового кабеля с зубуринами. Замки и пластик сильно рас-

плавилась, но все равно было понятно, что именно лежит перед ним в пепле. Именно этими стяжками сегодня пользуются все, кому не лень, чтобы связывать и обездвиживать людей. Все – даже они, полиция, в случае, если наручников не оказывается под рукой. Наручники – штука специфическая, подотчетная и громоздкая, не всегда удобно с собой носить. А кабельная стяжка для процессуального кодекса – пустое место. Как говорится, дешево и сердито. А главное – эффективно, когда надо временно и не очень законно обездвижить, к примеру, пьяного дебошира.

Само наличие кабельной стяжки – еще полбеды, а вот то, где именно она лежала, было хуже всего. Обгоревшие остатки кабельной стяжки лежали слишком ровно, слишком симметрично под подлокотниками – там, где были руки, а точнее, запястья покойного.

– Значит, прогорели и упали на пол, – пробормотал про себя Иван. Затем склонился, выгнул шею и заглянул глубже под обгоревший остов кресла. Потом удовлетворенно кивнул, поднялся и, предварительно оглянувшись, отступил в свои же собственные следы на черном полу. Достал выдавший виды телефон с паутиной на разбитом защитном экране и сфотографировал покойника. Крупные планы и детали. Руки на подлокотниках, широко раздвинутые ноги, ступни, словно утянутые под кресло. Причина такой неестественной «царственной» позы теперь прояснилась во всей своей кошмарной простоте. Только так можно было притянуть ступни к опорному кругу кресла.

Иван попытался просчитать ход событий.

– Значит, тебя каким-то образом усадили в кресло, пристегнули руки к подлокотникам, ноги притянули к кругу, а ты не сопротивлялся, не вырывался. Ты был крупным мужчиной, с меня ростом, не меньше ста восьмидесяти пяти сантиметров. Да, за пятьдесят, да, выпивал, но ты был в отличной форме. Плюс охота, рыбалка, да и работа тоже не совсем сидячая. Ты был тренированным офицером полиции, но дал привязать себя – руки и ноги. Странно. Только если ты был без сознания или...

Иван бросил взгляд на пол рядом с креслом. Плоская бутылка, знакомая. Пожарный прав, это, скорее всего, вискарь. Не просто вискарь, а наш подарок. Шотландский купажируемый виски Ballantine's, пол-литра, плоская бутылка. Покупали целый ящик в «Метро Кэш-энд-кэрри», так как была скидка. Дарили всем в руководстве.

Он передвинулся чуть в сторону и сфотографировал бутылку, не поднимая ее с пола.

– Да, вполне может быть, что это та самая бутылка. И что это дает? Ты забрал бутылку с собой на дачу, но это никак не объясняет, почему ты покорно позволил себя связать и сжечь. Допился до обморока и отключился? С одной бутылки, пусть даже и «Ballantine's»? Очень сомневаюсь. Может быть, ты просто спал в кресле, а убийца тихо влез в дом? А что, в этом есть логика. Получается, ты уснул в кресле, и к тебе подошли во сне. Хотя странно, что не побоялись. Ты ведь мог проснуться от шума и оказать сопротивление. Какие-то они бесстрашные... Кто? Воры? Самая вероятная версия. А самая вероятная – она же обычно и правильная. Значит, допустим, забрались в дом, нашли тебя спящим, возможно, ударили чем-то по голове, это потом экспертиза обязательно покажет. Затем связали, украли все, что смогли найти, и подошли дом, чтобы скрыть следы.

Нормальный такой расклад, но Ивану он не нравился категорически. Дачные воришки – это, как правило, всякая шелупонь. Молодежь-шпана, наркоманы, залетные мелкие уголовнички. Даже если допустить, что они не знали, что дача принадлежит подполковнику полиции – а скорее всего, так и было, – но что в доме кто-то был, они точно знали. Во дворе стоит внедорожник «BMW», в окнах горит свет, из печной трубы валит дым. Полезли бы они в такой дом? Черт его знает. Все может быть, идиотов полно, конечно, а все же маловероятно. Тем более вокруг – море пустых домов с темными, слепыми окнами. Лезь – не хочу.

Иван прошел в пристройку, где стоял сейф.

Нет, случайные воришки – это маловероятно. Значит, знали, куда лезли, и знали, к кому. Знали, что в доме есть оружейный сейф, в котором Морозов держит деньги. Кто мог знать об этом? Да кто угодно. Иван и сам это хорошо знал, потому что именно здесь, в этом самом доме, примерно три года назад Морозов вынул из этого самого сейфа два с половиной миллиона рублей – в долг, Ивану на взнос за квартиру. Третьяков тогда был поражен – не тем, что Петрович дал ему в долг, да еще такую сумму; Морозов был щедрым и относился к деньгам легко. Ивана поразила сама факт наличия в дачном сейфе двух с половиной миллионов рублей. И всегда, если нужно было дать денег егерям или еще чего, Морозов всегда брал деньги из сейфа, который он в шутку называл тумбочкой.

Тогда, получается, Петровича убил кто-то из своих? Дачник, сосед? Возможно. Рабочий вариант, как минимум. Осторожно, не прикасаясь, Третьяков заглянул внутрь сейфа, подсвечивая себе фонариком на телефоне. Стройный ряд ружей, автомат с матерчатой перевязкой, запакетованные блоки патронов. Денег в сейфе не было. Ни копейки. На полу в сейфе было мокро, валялась грязная, затоптанная оберточная бумага.

Значит, все-таки деньги.

Иван поежился, то ли от пронизывающего холода, то ли от мысли, что его друг сгорел, прикованный к массажному креслу. Сгорел из-за денег, на которые Морозову, по большому счету, всегда было плевать.

Осторожно, по своим же следам, Третьяков вышел во двор. Бревенчатый дом с пристройкой, сарай – все это было старым, купленным не для комфорта, а за место. В сарае стояли два снегохода, квадроцикл и бензиновая газонокосилка. Забор вокруг дома был, пожалуй, самой дорогой постройкой на участке. Добротный, из красного кирпича, ворота на радиоуправляемом механизме, массивная калитка. Сзади крепкая металлическая дверь с навесным замком и щеколдой – собственный выход в пролесок. Иван искал следы. Грабители, не по воздуху же они прилетели.

И тем не менее – никаких следов. Если двор перед домом был буквально изрыт следами подошв, протекторов шин, длинными канавками, оставленными шлангами и другим оборудованием пожарной бригады, то с обратной стороны дома все пространство было засыпано ровным слоем снега и пепла. Иван сделал еще несколько фотографий, параллельно рассматривая подходы к каждому окну. То же идеальное снежное покрывало, если не считать мелких птичьих следов, да и тех немного.

Иван дошел до калитки, толкнул ее – калитка оказалась открытой, и никаких следов вокруг. Открывшись, она прорыла ровный след в снегу. Сразу за калиткой начинался лес. Иван посмотрел на скамеечку, рядом с которой, припорошенная снегом, стояла трехлитровая банка, приспособленная под пепельницу, и вдруг что-то защемило в глазах. Он подумал, как часто Петрович сидел тут, курил и любовался дикой природой. Сглотнул, вдохнул, взял себя в руки. Сфотографировал скамейку и банку. Посмотрел на окурки. «Camel» – те самые, что курил Петрович.

Вопрос со способом проникновения в дом оставался открытым. Иван подумал: «Хорошо, хоть ночь выдалась ясная, оставила весь снег нетронутым. Такой снег – лучший друг оперативника. Если что, потом даже одного следа будет достаточно, чтобы схватить тебя и отправить в ад. Если этот след есть – они его найдут».

И, словно в ответ на его мысли, что-то холодное упало ему на лицо. Иван поднял голову и мотнул. На щеках осели холодные снежинки. Еще лучше. Только снега не хватало. Иван встрепенулся и принялся фотографировать все подряд. Когда он вернулся к дому, усталый Алексей протянул ему пачку сигарет. Иван закурил.

– В отделении сказали, что выслали два наряда, но черт их знает, где они.

– «Скорая»?

– «Скорая» застряла в сугробе в Верейках, чего-то их там на обочину понесло. В общем, сказали, что передали вызов другим бригадам, но пока чтоб не ждали.

– Почему-то я совсем не удивлен, – хмыкнул Иван и сплюнул на снег.

3

Они приехали только после полуночи. Технически – тридцать первого декабря, через четыре с лишним часа после вызова пожарных. Зато сразу кортежем – на двух «буханках» с беззвучно мигающими огнями сигнализации, одном микроавтобусе и одном легковом автомобиле. Люди в форме, с автоматами наперевес, выражения лиц – словно собираются у всех тут проверить «документики». Смесь вежливости и презрения, когда в слове «уважаемый» может скрываться оскорбление. Конечно, они уже знали о том, что на месте преступления находится сотрудник полиции из Москвы. Знали – и не одобряли.

Эксперты в количестве трех человек, невыспавшиеся и злые, выбрались из микроавтобуса и, не обращая ни на кого внимания, начали доставать свое оборудование. Один из полицейских отделился от толпы и пошел в сторону «Форда». Иван спокойно курил в своей машине.

– Эй, уважаемый, – невысокий полицейский в форме и с автоматом наперевес склонился к открытому окну. – На минуточку.

Иван вышел из машины и поежился. После тепла машины холод ощущался особенно сильно. И хотелось спать. Эх, сколько еще времени понадобится, прежде чем он сможет выбраться отсюда и нормально обдумать все! Иван принял поданную офицером руку.

– Доброй ночи. – Иван где-то слышал, что изначально традиция обмениваться рукопожатиями возникла на американском Диком Западе, и жест этот должен был показать незнакомцу, что в вашей правой руке нет пистолета. То есть что вы не намереваетесь стрелять – по крайней мере, не прямо сейчас.

– Доброй, доброй, – ответил Иван и скосил взгляд на погоны. Капитан. Хорошо. Всегда лучше иметь дело с тем, кто младше по званию, особенно когда ты не в своем районе.

– Значит, в гости приехали, уважаемый?

Иван подумал: «Значит, ни представлений, ни прелюдий. Вот так, с места в карьер?» Он улыбнулся, но холодно, одними губами, и проговорил, как под запись на допросе:

– Я приехал в гости, по приглашению коллеги. Планировал остаться на Новый год. Свидетели нужны? А то я найду, я не гордый.

– Да брось ты, – скривился капитан. – Все ж свои.

Иван еле сдержался, чтобы не ответить, что «к своим» не обращаются «уважаемый», но сдержался. Капитан только приехал на адрес, еще даже не был внутри, в доме.

– Ну, свои так свои. Надо поторопиться, а то снег тут все загубит, – сказал Иван.

Капитан посмотрел на него долгим взглядом, словно прикидывая, не легче ли ему избавиться как-то от ненужного коллеги, но затем кивнул.

– Версии есть?

– У меня нет, не особо. А у вас? – полюбопытствовал Иван.

Тут все было без сюрпризов, капитан тут же выдал версию об ограблении. После информации, что в сейфе, возможно, лежали деньги, предположение выросло в уверенность.

– Решили обнести дом, – уверенно сказал он. – А чего, места глухие, на помощь зови – не дозовешься. Легкая добыча. Связали и обокрали. Сейчас такие звери пошли. Не люди, а нелюди. А он, как я понял, пьян был и вряд ли оказал бы сопротивление.

– Не настолько он был пьян, – нахмурился Иван.

Капитан поморщился.

– А ты откуда знаешь, насколько он был пьян? Ты же после приехал... как ты сам сказал.

– Я звонил Морозову в восемнадцать часов тридцать шесть минут. Можете проверить мой телефон. Только я вас заверяю: Петрович был в порядке. Вполне мог оказать сопротивление.

– Ну, мало ли... – недовольно отмахнулся капитан.

– А в восемь часов ровно в пожарную часть поступил вызов, – наседали Иван. – То есть меньше чем через полтора часа после моего звонка. Вызвавший вас сосед сказал, что дом полыхает. Понимаете, полыхает. Я уточнил у пожарных: чтобы такой вот дом запыла, тоже нужно время. Дом построен добротно, из хороших материалов, а прогорел так, что крыша проломилась. Значит, если говорить грубо, с момента моего звонка, когда хозяин был полностью в порядке, до момента, когда было кончено, прошло менее часа? И потом, деньги из сейфа пропали, но сумка с кошельком лежит в машине. Там, между прочим, тоже деньги и документы. И остальное все на месте. Ружья, техника – телевизор, телефон, планшет. Ничего не пропало, все сгорело.

– И что? – прищурил и без того маленькие глазки капитан. – Что вы хотите сказать?

– Только одно: не стоит делать поспешных выводов.

Иван замолчал. Он не знал, что именно хотел сказать. Что, возможно, вообще ничего не пропало? Что не факт, что это вообще было ограбление? Что было что-то категорически неправильное в том, как именно умер подполковник Андрей Морозов.

– Не будем спешить с выводами, – ответил капитан, явно не желая расставаться с версией о домашней краже, вышедшей из-под контроля. – С соседом, который вызвал пожарных, говорили? – спросил он, начиная заполнять бумаги на капоте «буханки». Снег таял на руках, и приходилось трясти ручку, чтобы чернила не замерзли.

Иван разозлился – не на капитана, а на систему, выстроенную так, что кратчайший путь между точками «А» и «Б» не в том, чтобы докопаться до правды, а в том, чтобы подложить к делу соответствующий отчет. Несмотря на обилие возможных улик, дело уже распадалось, и он начинал бояться, что ничего не удастся раскрыть по горячим следам. Тем более что горячими их сложно было назвать – только не на таком морозе. Впрочем, эксперты, матерясь и злясь, что их не вызвали раньше, уже разложили свои линейки-маркеры, принялись измерять, фотографировать, посыпать порошками и собирать материалы, упаковывать их в промаркированные пакетики. От одного эксперта-криминалиста пользы было больше, чем от десяти оперативников.

– Я могу поговорить. В порядке помощи коллегам, – ответил Иван, зная, что ушлый капитан предпочел бы, чтоб Иван убрался восвояси.

Предложение капитана не порадовало, и последовавший вопрос вызвал у Ивана холодную улыбку.

– У вас есть при себе документы?

Иван достал удостоверение и развернул перед лицом капитана, но в руки не дал. Тот склонил голову, прочитал все внимательно, а затем кивнул, отвернулся, смахнул снег с планшета и прицепил под прищепку лист опроса свидетелей.

– А у вас самого-то как с документами? – аккуратно поинтересовался Иван из чистой вредности.

Теперь уже капитан хмыкнул, но достал свое удостоверение. Дмитрий Павлович Ком, районное управление МВД, следственный отдел Тверской области.

– Пойдет?

– Вполне. Дмитрий Павлович, нужно отработать и другие версии, помимо ограбления.

– Отработаем, – заверил его капитан Ком самым сладким тоном. – Если, конечно, возникнет необходимость.

– Я вам говорю, необходимость есть, – заверил его Третьяков.

– Это не вам решать, – огрызнулся наконец капитан.

Иван сменил тон – с холодного на звенящий металлом.

– То, что я знал покойного, никак не меняет того, что я оказался первым – и единственным – сотрудником полиции на месте преступления. И находился тут, проводя первичный

осмотр в течение почти двух часов. А вы где в этот момент были? Вам ведь передали информацию о трупе.

– Мы отрабатывали и другие... – пробормотал капитан, но Иван его прервал:

– А раз я уже процессуально включился в расследование, мне неминуемо придется писать рапорт и отчет и давать оценку событиям, – тут Иван сделал выразительную паузу. – Понимаете меня, Дмитрий Павлович? Мне бы не хотелось написать в рапорте, что не все версии были отработаны. Вы же не станете отбрасывать вероятность, что тут сегодня ночью случилось нечто другое. Не ограбление.

Капитан опустил папку с бумагами и вздохнул.

– Какие еще версии? Что именно – нечто другое? Что именно, вы считаете, тут произошло?

– Я пока не знаю. Вернее, не хочу бежать впереди паровоза, потому что, как я сказал, нужно больше данных. Нужно проанализировать все. Нельзя исключать, к примеру, что с Андреем Петровичем кто-то решил расправиться.

– Вы имеете в виду... заказное убийство? – почти закричал от возмущения капитан Ком. Именно таких версий он и боялся как огня.

– Как один из вариантов – да.

– И что, по-вашему, на это указывает?

– Да хотя бы связанные руки. Временной интервал тоже. Возможно, его ждали.

– Да это все за уши притянуто. Если бы это было заказное убийство, его бы просто застрелили – и все. Не согласны?

– Я думал об этом, и нет, не согласен. Стрелять – значит, шуметь. Хоть деревня и пустая, а могли побояться поднимать шум. Потом, его могли пытать с целью выведать какие-либо сведения. Или нападение могло быть связано с его профессиональной деятельностью.

– Или – быть случайным стечением обстоятельств, ограблением, – упрямо повторил капитан и добавил едко: – К тому же, знаете ли, пожар – сомнительный способ сделать все тихо. У вас все с версиями?

– Нет, не все, – упрямо продолжил Иван. – Возможно – месть. Связать человека, а потом сжечь его заживо – это нужно быть либо совершенно черствым, лишенным не только жалости, но и элементарной способности к состраданию, либо...

– Думаете, уголовник мстит, которого ваш Морозов когда-то посадил? – кивнул капитан Ком, на этот раз чуть теплее.

– Возможно. Хотя Морозов вообще-то уже давно занимается экономическими преступлениями. Там, знаете ли, кругом белоручки, бизнесмены да банкиры. Впрочем, нужно посмотреть, кого недавно освободили. Как версия – однозначно пойдет. Кроме того, пожар – это почти всегда уничтожение следов, так? – добавил он. – Следов чего, вот что нужно узнать.

– Ну, так это экспертиза покажет, – заверил его капитан, перепрыгивая на месте с ноги на ногу. Выдерживать такой холод было решительно невозможно.

4

Помощь от Третьякова с неохотой, но приняли. Все равно никуда от него не денешься, а работы много. Одних опросов соседей – ворох. Всех объехали только к утру – четыре деревни и несколько отдельно стоящих домов. Слава богу, людей оказалось меньше, чем они ожидали. Стучались ко всем, но ориентировались на наличие дыма в трубе – самый верный способ определить, есть ли кто-то в доме в такой холод. Даже если во дворе нет машины, это не значит, что дом пустой. Да, в некоторых дворах стояло по четыре-пять машин, там уже собралась новогодняя компания. А кто-то приезжал вместе с кем-то, заодно, по пути, чтобы не соблазняться и в Новый год не сесть за руль пьяным. А пить собирались все и много.

Люди встречали Третьякова и выделенного ему в помощь молодого оперативника Сережу с недовольством. Коренастый, с бульдожьими глазками Сережа только подливал масла в огонь, буквально набрасываясь на людей с вопросами, и своей суетой начал раздражать Ивана еще до того, как они вошли в первый дом с дымом в трубе. Сережа явно хотел выслужиться и смотрел на московского майора с придыханием, отчего Ивану хотелось дать ему подзатыльник и отправить восвояси. Но – нельзя. Сережа был как довесок к неофициальному перемирию между капитаном Комом, имеющим тут все полномочия, и Иваном Третьяковым, не имевшим тут ничего. Удачных, информативных визитов было всего два-три. Все визиты проходили по одинаковой схеме: оперативник Сережа стучался в двери, если удавалось войти через калитку, а затем показывал удостоверение и начинал опрос. Иван Третьяков стоял сзади и слушал.

– Доброй ночи, извините за беспокойство, неотложное дело, нужно задать несколько вопросов. – Сережа говорил так же энергично, как и двигался, и уставший выше всякой нормы Иван еле сдерживался, чтобы не попросить его перестать мельтешить. – Мы выясняем, кто вызвал пожарную бригаду на пожар в доме на том конце Благинина.

– Мы вас не вызывали, – следовал стандартный ответ, и заспанные, злые люди зябко поеживались, стоя – кто в валенках на босу ногу, кто вообще в пластиковых шлепках.

Иван молчал и наблюдал, составлял список. В Благинине на момент пожара жильцы были в одиннадцати домах.

– Не нас, а пожарных. Возможно, это сделал кто-то из ваших гостей? – продолжал Сережа. – Кто-нибудь к вам сегодня вечером приезжал?

– У нас все только сегодня подтянутся, – жмурился в свете фар жилец дома на второй, параллельной улице деревни Благинино.

– Совсем никто не приезжал? А чьи машины во дворе? Может быть, у вас есть знакомый по имени Алексей? – налегал оперативник, а Иван отслеживал реакцию.

– Можем хоть внутрь зайти? Холод же собачий! – возмутился хозяин, и они втроем прошли в его прихожую.

Дом был новее, чем морозовский, но внутри все было типичным для дачных домов этих мест. Сюда явно свозилось все, что жаль выкидывать, но и хранить дома тоже невозможно. Большой серый в фиолетовых цветах диван с округлыми подушками – прямо у дверей. Два серванта с разномастной посудой. Рядом со стеной штук семь пластиковых ведер и тазов. Обычное дело.

Искали Алексея, потому что Алексеем назвался человек, который звонил по линии экстренных служб. Мог и соврать, но в большинстве подобных случаев люди все-таки называют реальное имя. Те, кому нечего скрывать, конечно. Да, формально Алексей был обязан представиться полностью, а также сообщить свой номер телефона, однако когда оператор спросила, может ли Алексей остаться и дожидаться бригаду, он бросил трубку. Испугался, что придется торчать на пожаре всю ночь? Спешил куда-то? Был пьян? Последнее весьма вероятно, но люди боятся контактировать с властью вообще, и Иван по опыту знал это. Не доверяя представите-

лям власти по самым разным причинам, звонящие не спешат оставлять свои персональные данные. Теперь Третьяков с ног сбился, чтобы найти единственного человека, который мог видеть убийцу Морозова.

– Я сам Алексей, – угрюмо ответил тот. – Но я со вчерашнего дня никуда не ходил, а машины наши – не ваше дело. От нас никто никуда не звонил. Мы ничего ни о чем не знаем. Это все?

– Хотите сказать, что и о пожаре не слышали? – тут же отреагировал оперативник Сережа, глядя на опрашиваемого с нескрываемым подозрением. Инициативный, энергичный, далеко пойдет. Убить бы, подумал Иван. Лезет вперед паровоза. Впрочем...

– Я о пожаре слышал, – с неохотой ответил он. – Я даже ходил туда, и что? Там уже были пожарные.

– А кто-то еще с вами ходил?

– А это правда, что там хозяин угорел? – спросил Алексей и посмотрел на Ивана.

– Вопросы тут задаю я, – бросил Сережа.

Иван закатил глаза и вздохнул. Затем он поймал взгляд хозяина дома и с извиняющимся видом развел руками.

– Да, к сожалению, правда. И мы, конечно, никого ни в чем не обвиняем, мы просто собираем информацию, – продолжил он, но Алексей, кажется, не услышал последнюю фразу, настолько был потрясен новостью.

– Господи, кошмар какой. Насмерть? Вот же жуткая смерть! Нет, от нас никто не звонил, правда. Мы собирались к нему зайти завтра. То бишь уже сегодня. Черт, вот ведь... Прямо под Новый год. Хотя какая разница. А вы с Никитиными говорили? Может, они чего-то знают? Или с Салатниковыми, они живут прямо рядом, – заговорил Алексей совсем другим тоном.

– Салатниковы? – переспросил Сережа. – Это которые слева от него?

– Там только один дом рядом. Петрович-то на краю жил.

– Алексей, можно я вам задам один вопрос? – проговорил Иван медленнее и тише, но – знакомый ему парадокс – Алексей тут же сосредоточился и кивнул. – У Андрея Петровича тут, в этом районе, были с кем-нибудь конфликты? Может быть, вы знаете кого-то, у кого могли быть с ним сложные отношения? Что-то не поделили? Забор не там поставили или шумели по ночам? Что угодно?

– Петрович-то – хороший мужик, дельный, и охотник. Его тут вообще очень уважают. Уважали... – поправился Алексей. – Конфликтов у него ни с кем особо не было.

– А не особо? – уцепился Иван, подумав про себя, что они с Сережей нечаянно разыграли «хорошего и плохого следователя». Алексей на Сережу даже не смотрел, игнорировал.

– Да это я так просто сказал. Ни с кем он не конфликтовал. Он вообще ровно со всеми. Больше всего его охота волновала. Дружил с теми, кто охотится. К примеру, с Никитиным они были неразлейвода, даже когда-то работали вместе. И дома тут купили, в одной деревне, чтобы вместе охотиться. И в покер играли, Морозов покер очень вообще любил, – Алексей вдруг смутился. – То есть, вы не подумайте, не на деньги играли.

– А на что? На «просто так»? – усмехнулся Сережа. – В покер?

– Не волнуйтесь, нас покер не интересует. Никитин? – уточнил Иван. – А зовут как? Какой дом?

– Звали. Он уже лет семь как помер, царствие небесное. Инфаркт вроде. А может, и нет, я не знаю. Мужики часто именно от инфаркта умирают.

– Умер, значит? Жаль. А с кем из ныне живущих он общался?

– А звали Никитина Олегом, – продолжал Алексей, словно не услышав вопроса. – Отчества не помню. Петрович и по сей день с его вдовой общается, только ее я мало знаю. Она на той же улице живет, если что. Дом обложен белым кирпичом. Он один такой на всей улице. А Салатниковы – те от Морозова прям через забор. Только Салатников на этот Новый год вроде

в Москве остался. У них внук родился, его жена там помогает невестке, а Салатникову одному на дачу ехать не дадут, это я вам гарантирую. Салатников – как дитя малое, если от жены вырвется, все выпьет, что найдет. В общем, одному ему сюда нет дороги, – Алексей хмыкнул, и Иван понимающе кивнул.

– У вас их телефоны есть? Салатниковых, Никитиных и других, возможно? – спросил Иван, и Алексей пошел, шаркая тапками, в дом.

После Иван и Сережа ходили от дома к дому, и так до самого утра. Иван уже с ног падал. Сухой остаток – толку ноль. Алексея, позвонившего в пожарку, не нашли, конфликтов с подполковником Морозовым не смог припомнить никто. Все теми или другими словами говорили о нем одно и то же: что Морозов – мировой мужик, старшее поколение, не то что нынешние, которые за деньги на все готовы. Однако делу это никак не помогало. В домах Салатниковых, Никитиных и Воробьевых – самых близких к Морозову семей в деревне Благино – никого не оказалось. Правда, до Салатникова удалось дозвониться. Ответила жена; узнав, что случилось, заверещала, заохала, поужасалась смерти соседа, десять раз уточнила, в целости ли их собственный дом, да и все. Никакой информации. Разве только то, что Салатникова подтвердила: калитка, выходящая к пролеску, практически никогда не закрывалась, потому что Морозов туда постоянно курить ходил.

Никитиным дозвониться не удалось, ни вдове, ни дочери, их телефоны были вне зоны действия сети, а Воробьевы просто не взяли трубку, что тоже неудивительно – шесть утра тридцать первого декабря, кто же берет трубку? Из опрошенных жителей деревни Иван отметил пару личностей как подозрительных, но так, больше для того, чтобы иметь хоть какой-то результат от этой многочасовой работы. Подозрительные личности – некто Василий Булдаков и некто Борис Лемешко – были подозрительны тем, что первый был неприлично, просто по-свински пьян, а второй так же странно, необъяснимо трезв, адекватен и бодр, словно и не спал вовсе, когда ему постучали в дверь в пять часов утра.

Оставалось только одно неотложное дело: поговорить с единственной дочерью подполковника Морозова. Хвала небесам, это была не его проблема.

5

Иван Третьяков вернулся в Москву только к полудню и поехал сразу в управление, стараясь не думать о том, что будет делать дальше – после того, как допишет отчет и обсудит сложившуюся ситуацию с руководством. Новость о гибели Андрея Петровича уже разлетелась по управлению, и телефон Ивана разрывался от звонков, которые он сбрасывал, не имея никаких сил снова и снова подтверждать случившееся и снова отказывать в подробностях людям, которые должны были и сами понимать, что ничего он рассказать не может – в интересах следствия. Голова гудела так, словно он был с лютого похмелья, и сигареты кончились, но идти за ними не было никаких сил. Ивану не привыкать к бессонным ночам и усталости, но тут, как говорится, все сразу навалилось. Даже если на металл надавить слишком сильно, он не начнет терять свою силу. Усталостное напряжение. Даже смерть босса начинала блекнуть и затухать в его памяти, как огонь в отсутствие кислорода. Даже измена жены больше не трогала его так сильно. Измена жены. Сами эти слова казались странными и эфемерными, как сгоревший газетный лист – тронь его, и слова распадутся в прах прямо в твоих руках. Не то чтобы он ничего не чувствовал – он словно временно оказался под наркозом.

Иван вспомнил, как несколько лет назад ему удаляли аппендицит. Обнаружили поздно, потому что он же – мужчина, он же не жалуется на какую-то ерундовую тянущую боль в животе. Иван сказал Лене, когда стало больно даже дышать. «Скорая» приехала только через сорок минут после этого, и фельдшер поменялся в лице, когда белый, как мел, Иван обрисовал ситуацию, а затем волком завыл, когда фельдшер попробовал пальпировать его живот. До больницы довезли быстро, но боль уже стала оглушительно нестерпимой, и к ней примешался смертельный страх: «Помру, не довезут до операционной». Иван терпел, не кричал, тем более что хирурга все равно не было на месте, какой толк от крика? Медсестра убежала его искать, а дежурный терапевт какое-то время с опаской поглядывал на Ивана, а затем покачал головой и сказал, что не надо так терпеть. И распорядился поставить Ивану капельницу с чем-то сильнодействующим, обезболивающим, кажется, морфином. Единственный во всей Ивановой жизни раз, когда он попробовал наркотик. Он помнил, как вдруг в одно мгновение ослепительная, лишаящая рассудка боль – нет, не исчезла, но вдруг перестала иметь значение. Сознание Ивана все еще регистрировало боль в правом подреберье, но чувств больше не было, их отключили химическим способом. Остались только оцепенение и туман, безвкусная пустая мгла. Точно так же Иван чувствовал себя и сейчас. Оцепенение и туман. Даже от вчерашней ярости не осталось и следа. Пустое, все пустое. Новый год или нет – до чего же ему наплевать-то.

Удивительное дело, но жена тоже звонила ему несколько раз. Каждый раз, когда Иван видел ее фотографию, возникающую на разбитом экране телефона, он концентрировался на том, как по красивому лицу Лены расплывается тонкая паутина линий на стекле. Это чуть-чуть помогало. Он не отвечал не потому, что хотел что-то ей доказать. Иван не понимал, что они могли бы друг другу сказать, если бы он даже и ответил на звонок. Впрочем, он догадывался, что у жены слова бы нашлись.

К четырем часам вечера, новогоднего вечера, Иван все еще сидел в кабинете, который он делил с другими оперативниками, на третьем этаже старого кирпичного здания на улице Кржижановского и смотрел на свои руки. Он был один в кабинете, другие сотрудники уже разбрелись по домам – праздник все-таки. Руки были грязные, чернота под ногтями, шершавая от холода кожа. Он так и не сподобился их даже нормально помыть. В туалете на этаже не было мыла и горячая вода была отключена – не вода, кран свернут. Просто так холодная вода плохо смывала грязь. Иван подумал, как бы хорошо было сейчас под душ встать, сбросить всю одежду, смыть этот удушающий тонкий запах гари, пропитавший его от волос до кончиков ногтей, сейчас бы ему – как в «Людах в черном» – стереть память за весь вчерашний день одной

вспышкой неведомого устройства будущего. Стереть весь день – и черный труп в массивном кресле, и бесполезные поиски неизвестно чего, всех пьяных соседей и все запертые двери. И скандал, стереть бы скандал. Иван подумал: «Нет, стереть память означало бы отправиться снова туда, где он глупо и необоснованно был счастлив, счастлив как бы в долг, до времени. Счастлив в ипотеку, проценты по которой во много раз превышают его возможности».

Душ, горячий, обжигающий – и спать. Так бы и встретить Новый год. И ни о чем не думать и спать. Мечта! Но, получается, идти-то ему некуда. Он ведь поэтому и к Морозову-то поехал, чтобы убраться подальше из их двухкомнатной квартиры на двенадцатом этаже панельного дома в новом районе, недалеко от только что открытого метро «Солнцево». Он взял квартиру в ипотеку три года назад – чтобы жить долго и счастливо. Лена тогда забеременела во второй раз – и это после того, как они прожили шесть лет без единого намека на детей. Первые два-три года радовались, а потом стали волноваться. Иван задумывался даже, что, может быть, у них вообще никогда не будет детей, эта мысль заставляла его закуривать, даже если он только что курил. А потом вдруг случилось чудо. Лена родила похожего на них обоих сына, назвала его Федором, хотя Ивану казалось, что вся эта мода на старые славянские имена – перебор. Но разве станешь спорить с женой по такому вопросу? Федор так Федор, красиво, хорошо. А потом они вдруг выяснили, что Лена снова беременна. И не важно, готов ты или нет и какие у тебя или у нее были планы, потому что от таких подарков судьбы не отказываются. Усталая, измотанная бессонницей Лена поставила ультиматум, что не может рожать второго ребенка, пока у них нет нормального жилья – в съемной однушке вчетвером жить не станет. Тогда Третьяков одолжил у Морозова денег на первый взнос. Они купили квартиру, и Лена родила Ивану второго сына. Назвала его Ярославом. Вылитый Иван. Такой же цепкий взгляд серых глаз, такие же черные жесткие волосы и крупноватые черты лица. В квартире прожили всего год с небольшим. Получается, не вышло ни долго, ни счастливо.

– Эй, Ванька, ты еще тут? Я думал, вы все по домам разбежались и уже бухать начали, – в кабинет к Третьякову заглянул коллега-оперативник Толик Бахтин, с которым они были знакомы постольку-поскольку – в курилке общались. Бахтин работал у них в розыске не так давно, был энергичен и легок на подъем. Девушкам нравился. Молодой. На Третьякова он смотрел спокойно и весело и без сочувствия – значит, Бахтину ничего не известно о том, что произошло с Морозовым и отчего Иван появился на работе в канун Нового года. Это хорошо, что он не знает. Хоть один, для разнообразия. Иван с усилием заставил себя подняться со стула, каждое движение давалось ему тяжело, словно он шел под водой.

– А ты сам-то чего тут торчишь? – спросил он в ответ. – Сигареты есть?

– Сигарет тебе? Может, тебе и оливьешки отсыпать? Я только на минутку забежал, мне нужно сгонять к одному кенарю, порасспросить кое о чем. Уточнить там кое-что. На, держи свои сигареты. Чего домой не идешь?

– Мне нужно где-то перекантоваться сегодня, – ответил Иван, и Толик задумчиво прикусил губу.

Иван смутился и отвернулся.

– Пошли покурим, что ли, – бросил Толик, не задавая больше вопросов.

Уже в курилке он заметил Ивановы руки. Натужно хохотнул, сказал, что с их работой неудивительно – можно вообще целиком почернеть. Третьяков вздрогнул, словно от удара, но ничего не сказал – чего цепляться, если человек не знает, не в курсе.

– Так перекантоваться где не найдешь? – спросил он вместо этого.

Толик вздохнул. Такой вздох – сам по себе ответ. Иван замотал головой.

– Не бери в голову, не проблема.

– Я к матери еду. Если б дома оставался – тогда конечно, – осторожно ответил Бахтин, и Иван похлопал его по плечу.

– Давай там, не напивайся сильно.

Толик выбросил сигарету, не докурив, и ушел.

Теоретически Иван мог бы тоже поехать к родителям – они живут в Твери, и туда еще вполне можно добраться. Родители наверняка уже все знают. Причем не от него, а от Лены, так что неизвестно, какую версию им преподнесли. В кармане завибрировал телефон. Один раз – и затих. Сообщение. Иван телефон достал, сработал многолетний рефлекс «А вдруг что-то срочное и важное».

«Кончай дурить и приезжай домой. Пора уже повзрослеть, в самом деле. И привези горошек, я забыла купить».

Иван перечитал сообщение несколько раз. Нет, не ошибка. Не померещилось. «Пора уже взрослеть». Кончай дурить и приезжай домой, где тебя ждет твоя красавица-жена, которая изменила тебе со своим гребаным одноклассником. С которым они «держали связь» и «дружили» еще со школы. Сколько раз ты слышал, что они – просто друзья, что ты ничего не понимаешь, что между ними просто очень глубокие и наполненные смыслом отношения. Да уж, глубокие и наполненные. Одноклассник и сам женат, работает в какой-то конторе по продаже канцелярских принадлежностей. Иван – плохой муж, которого в любой момент могут вызвать на работу, а одноклассник всегда на связи, ему всегда можно позвонить. Иван забывал купить молока, а одноклассник сочувствовал ей. От чудовищной типичности ситуации, в которую он попал, Ивану хотелось расхохотаться и разбить кулаком стекло – чтобы был грохот, чтобы осколки, и кровь, и боль.

Купи горошек. Кончай дурить. Дурить. Вчера Иван предложил ей забрать Федора из сада. Обычно Лена сама его забирала, одевала полуторагодовалого Ярослава и шла с коляской по холоду через снег в сад. Иван понимал, Иван сочувствовал, тем более что у него машина, ему тепло и удобно. Вот и предложил – на работе его отпустили пораньше в честь праздника, а также из-за того, что накануне за дежурство Ивану пришлось четыре раза выезжать на суициды. А такому никто не позавидует. Один суицид был – отец семейства покончил с собой, оставив жену с четырьмя детьми на руках. Впрочем, люди кончают с собой пачками, и это никого уже не удивляет. Просто четыре суицида за смену – от этого у любого снесет крышу. Вот и отпустили, сказали, мол, иди, побудь с семьей. Иван забрал Федора аж в три часа – небывалое счастье для сына. Дома Ярослав сидел в детской и смотрел мультки. Федор тут же присоединился к брату – они оба любили миньонов. «Сними хоть скафандр», – бросил Иван сыну, похожему на космонавта в толстенном ватном комбинезоне и валенках с калошами. Сказал – и прошел дальше.

Дверь в спальню была плотно закрыта, но замков в дверях не было – квартиру брали в типовой отделке, так что замки стояли самые простые. Иван открыл дверь в спальню, а его жена Лена как раз «дружила» со своим одноклассником. Среднестатистический мужик с рыхлым телом и смазливый лицом, одноклассник вскочил и заорал, словно увидел привидение. В каком-то смысле так и было. Лена застыла – голая и какая-то сразу незнакомая, чужая, дешевая. Иван растерялся, он не знал, что ему делать в этой пропахшей чужими телами комнате. Его начало подташнивать. И тут Лена села на кровати, набросила на голое тело до боли родной ярко-голубой халат из плюша, с рыбами, и начала говорить. Она говорила, что Иван сам во всем виноват. Она говорила громко и долго – что Иван вечно на работе, что превратил ее в домработницу, что она никогда не знает, о чем он думает, что так жить нельзя, нужно работать над отношениями, что в отношениях всегда виноваты двое и что он не имеет права ее судить. Иван же думал только о том, что в комнату в любой момент могут войти их сыновья. А еще – что у Лены размазалась тушь. А он даже вспомнить не может, когда она в последний раз красилась – да еще так ярко.

Иван вернулся в кабинет, огляделся вокруг по-деловому, запер дверь изнутри, сложил из стульев некое подобие лежбища. Можно было бы пойти и попробовать подремать в так

называемой комнате отдыха – там был даже диван, но это означало бы, что каждый вновь пришедший стал бы лезть в душу с вопросами или сочувствием в связи с трагедией в Благинине. Меньше всего Иван был готов сейчас принимать сочувствие от коллег. Он лег на стулья, вытянул ноги, набросил на себя грязный, пахнувший копотью пуховик и прикрыл глаза. Последняя мысль, пролетевшая в его уставшем мозгу перед тем, как он уснул, была о Морозове. А точнее, о том, что эти орлы из Тверского района наверняка даже заморачиваться не будут, спишут все на ограбление и оставят дело в глухарях за отсутствием улик. Эта мысль Ивана огорчала даже больше, чем измена жены.

6

– Да вот же он! – раздался громкий голос, от которого Иван дернулся и, еще не проснувшись до конца, свалился с самодельного помоста на пол – с грохотом и матерясь. Тут же загорелся свет – кто-то нажал выключатель. – Ванька, ты совсем ошалел? Ты чего тут делаешь? Заперся еще. И телефон отключил, свинота. С наступающим тебя! По всему городу его ищут, с ног сбились, а он тут дрыхнет.

– Кондратьев, тебе чего нужно-то от меня? У меня выходной вообще-то, – пробурчал Иван, подслеповато морщась.

Перед ним в форме и с автоматом наперевес стоял Сашка Кондратьев и явно наслаждался замешательством коллеги. А какие еще развлечения у оперативника на новогоднем дежурстве? У Кондратьева жена недавно родила двойню, и теперь он хватался за любую возможность приработка, за любое дополнительное дежурство, хоть в Новый год, только чтобы оказаться подальше от любимой семьи.

– Так ты тут отдыхаешь? Понимаю, сочувствую. Как мне самому-то в голову не пришло, а? Значит, ты, как в том анекдоте, жене сказал, что к любовнице, любовнице – что к жене, а сам – работать, работать, работать? Молодец, – усмехнулся Сашка.

– От молодца слышу. Курить есть?

– Курить ему. Отдохнул – и хватит, вставай. Курить дам, но тебя там начальство с фонарями ищет. Не до перекуров.

– Начальство – это плохо, это не по-новогоднему, – хмуро отозвался Иван, потирая лицо. – Чего им надо-то? И сколько времени-то вообще?

– А ты телефон включи, и будет тебе знание и информация, – с этими словами Кондратьев развернулся и исчез в проеме. Только голос был слышен. – Нет, ну надо же. Два часа искали, а в кабинете посмотреть забыли. Гениально!

Иван включил телефон, а пока его старое, доставшееся за треть цены «яблоко» грузилось, сбегал в уборную, поплескал холодной водой в лицо – пришел в себя. Добравшись до курилки, Иван с наслаждением затянулся и принялся смотреть сообщения. Уведомлений о неотвеченных вызовах было аж восемь штук, четыре – с номеров с кодом Твери 482. Иван хорошо знал его из-за родителей, но номер был другой, незнакомый. Иван еще долистывал список, когда телефон в его руках ожил и на экране снова появился этот тверской номер. Иван нахмурился: ничего хорошего этот звонок не сулил.

– Иван Юрьевич? – спросил голос на другом конце. Он показался Ивану смутно знакомым.

– Да, это я. С кем имею честь?

– Капитан Ком. Мы с вами сегодня встречались на адресе.

– Да, помню. Я вас слушаю. Это вы меня искали?

– Да, это мы вас искали, – подтвердил Ком, и Иван попытался угадать, зачем. Жаловаться? Перекидывать ответственность? Чего-то напортачили?

– Через мое начальство? Серьезно? Я вам настолько понадобился? – переспросил Иван колюче, и капитан замолчал, явно обдумывая ответ.

– Как вы уже правильно сегодня отметили, Иван Юрьевич, вы были первым, кто оказался на адресе и кто обладает всей информацией. – Голос Кома звучал нежно, он говорил вкрадчиво и негромко. – Я понимаю, у вас нет никакого желания лезть в это дело и все такое...

– Совершенно верно, именно так. И все такое... – согласился Иван.

– Но и ваше начальство с нами согласилось, что ваше участие в оперативно-разыскных мероприятиях может существенно помочь следствию, учитывая роль, которую вы сыграли

в самом начале, и тот факт, что вы были хорошо знакомы с убитым. Сами понимаете, дело непростое, нужно подойти со всей ответственностью, проработать все версии.

– Мое участие? – опешил Иван. – В каком статусе, простите? Рапорт я написал, юрисдикция – ваша, не понимаю, чем еще могу быть вам полезен... или вреден.

– Возникли обстоятельства... – туманно прокомментировал капитан. – Было принято решение, что в интересах следствия необходимо включить вас в оперативно-следственную группу. Учитывая ваш деятельный вклад в следствие и вашу квалификацию... – кажется, у капитана заканчивались заготовленные заранее фразы. Иван молчал. Тогда капитан зашел с козырей. – Ваше начальство поддерживает нашу инициативу. В конце концов, все мы хотим одного и того же – найти убийцу вашего коллеги. Поэтому вы зачислены в группу консультантом.

– В группу? Seriously? Но зачем? – искренне удивился Иван. – Я имею в виду, зачем я вам-то нужен в следственной группе? Вы же понимаете, что и вам, и мне от этого будут одни только сложности и проблемы. Но больше вам, чем мне.

– Ну зачем вы так, – заметался Ком, и Иван сощурился. Уж больно он корректен, этот капитан Ком. Никаких тебе «уважаемый», никаких тебе «это не вам решать». Не хочет портить отношения?

– Консультантом, значит? И о чем я, с вашего позволения, должен вас консультировать? Я, знаете ли, не эксперт по простым случайным дачным ограблениям. Могу что-то напутать и испортить вам все дело.

– Давайте будем откровенными, – сдался Ком. – Думаю, вы понимаете, что, если бы я мог обойтись своими ресурсами, я бы обошелся.

– Да, я это понимаю. Именно поэтому я и удивлен. И раз уж вы заговорили про откровенность, было бы лучше, если бы вы сразу перешли к делу и объяснили, что вам от меня нужно. Причем нужно настолько, что вы взяли на себя труд беспокоить мое начальство в канун Нового года. А я, со своей стороны, могу вам пообещать – насколько смогу – не использовать вашу откровенность против вас. Если, конечно, это не будет идти вразрез с моими принципами.

– И какие у вас принципы? – поинтересовался Ком.

– Самые что ни на есть удобные. Я принципиально против того, – Иван поставил акцент на слово «принципиально», – чтобы мне мешали жить и нагружали ненужной работой. Для меня принципиально важно, чтобы никто не лез в мои дела и не подсовывал чужие.

– Нам нужно, чтобы вы провели опрос дочери убитого, – выпалил Ком, и теперь уже Иван замолчал. В сердцах он бросил телефон на подоконник в пустой курилке и потер ладонями виски. Внезапно у Третьякова заболела голова. Черт, только этого не хватало. Из трубки доносились приглушенное «алеканье» капитана. Иван посмотрел на телефон с ненавистью, прикинув, что будет, если он его сейчас просто разобьет. Но сдержался, поставил на громкую связь.

– Я полагал, ваши сотрудники уже связались с дочерью убитого. Опрос уже должен был быть проведен.

– Да, так и есть, – коротко ответил Ком.

Повисла еще одна неприятная пауза.

– И что? – спросил наконец Иван.

– Мы остались недовольны результатами, – ответил Ком, и в его голосе отчетливо зазвучало напряжение.

Иван тихо выругался.

– Что вы натворили?

– Ничего мы не натворили... – возразил Ком, но Иван тут же его оборвал:

– Тогда не о чем и говорить. Если не натворили. До свидания.

– Сергей... сержант Черток проводил опрос по телефону... – тут же сдал назад капитан.

– По телефону? С дочерью убитого – по телефону? – скривился Иван. – С его единственной дочерью? А съездить он почему не смог? Денег на проезд не выделили?

– Он со всем возможным тактом сообщил о случившемся и задал всего несколько вопросов, в результате которых дочь убитого... так сказать, приняла решение отказаться от общения с любыми представителями следствия.

– Что? Вы шутите?

– Нет, майор, я совершенно не шучу. К сожалению. Да, я согласен, не стоило поручать этого Чертоку, но у нас с людьми – проблема, Новый год же, мать его.

– Что он ей сказал? – повторил вопрос Иван.

– Как он говорит, он ей просто задал стандартные вопросы, а она трубку швырнула и больше не брала. Он, конечно, поехал в Москву, но когда он к ней приехал, она ему не открыла, а через дверь сказала, чтобы вызывали ее официально, повесткой.

– Нормально, – опешил Иван.

– И что она планирует обратиться за помощью к адвокату, – добавил Ком. – Как вы сами видите, такое поведение трудно назвать обычным. И именно поэтому было принято решение обратиться к вам. Подозрительно, понимаете? Человеку сообщают о смерти отца, а он говорит, что ему требуется адвокат. Чертока я, конечно, больше туда послать не могу. Да и чужим она и не откроет. Вот такие дела, майор.

– План ваш мне понятен, только я-то ей такой же чужой, как и ваш Черток. Я даже ее имени не знаю.

– Зовут ее Алиса Андреевна Морозова, ей двадцать лет... Сейчас, дайте в документы посмотрю... – Ком стукнул трубкой, но почти тут же заговорил снова: – Да, в январе будет двадцать один. Живет на Мичуринском проспекте, на том же адресе, где прописан погибший. Что еще... Мобильный номер есть, но, как я уже сказал, она не отвечает. По нашим базам данных она не проходит, нигде не числится.

– Вы шутите?

– Извините. Мы просто работали с информацией.

Иван заставил себя несколько раз вдохнуть и выдохнуть, злое бешенство не уходило. Он потянулся за сигаретами, но вспомнил, что они у него давным-давно закончились и что последние две он стрелял у коллег. Чертыхнулся. Капитан Ком терпеливо молчал в трубке. Иван закрыл глаза и прислонился лбом к стене, он ощущал себя как мультяшный герой, плоским и раздавленным, качающимся на ветру. Пустая мгла добралась и сюда, до их курилки.

– Я должен посмотреть приказ.

– Я перешлю вам документы. Кроме того, у вас есть полный доступ к нашим базам, – сухо ответил Ком.

Он знал, выбора у Ивана никакого нет. В их организации выбор осуществляется в соответствии с субординацией и иерархией. Московское начальство хочет иметь своего человека в следственной группе по делу их погибшего сотрудника, это понятно. Иван – идеальная кандидатура. И что он сам об этом думает, никого не волнует.

7

Дом, к которому в десятом часу вечера подошел Иван Третьяков, располагался на углу Мичуринского проспекта и улицы Столетова, в пяти минутах быстрым шагом от метро «Ломоносовский проспект» и в пятнадцати минутах на машине от их управления на Кржижановского. Идеальное местоположение, просто на зависть. Вокруг со всех сторон торчали высокие, красивые новые дома – район элитный, до Университета рукой подать, да и вообще. Нет, все-таки Морозов был непростой мужик. Впрочем, дом, в котором он жил с дочерью, оказался старым – длинная восьмизэтажка из широкого грязно-желтого кирпича, такие ставили для партийных функционеров и научной элиты в начале восьмидесятых. Звонить в домофон Иван не стал, постоял у подъезда, перепрыгивая с ноги на ногу, подождал прохожего, который впустил его в подъезд. В доме был лифт – не грузовой, маленький, но Иван поднялся пешком. Нужная ему квартира оказалась на шестом этаже справа от лифта. Света было мало – тусклая лампочка в запыленном стеклянном бра. Два коврика – один простой, резиновый, другой – под добротной, массивной и явно дорогой морозовской дверью – щетинистый, двухцветный, с вытоптанной надписью Welcome.

Иван вдруг подумал, что за все годы, что он знал Морозова, он минимум раз десять бывал у того на даче, они встречались в кабаках, даже пару раз играли в покер на квартире у каких-то знакомых Петровича, но ни разу – ни единого – Третьяков не был в его квартире. И, насколько Иван знал, никто тут не бывал. Святая святых.

Он нажал на кнопку звонка и услышал приглушенную птичью трель внутри квартиры. Хорошо бы она не открыла и не ответила на звонки по телефону, и Иван бы с чистой совестью уехал... куда? Не важно, куда-нибудь. Переночевал бы в машине. Но тут он услышал шорохи за дверью, затем характерный звук открывающегося замка.

Дверь приоткрылась совсем чуть-чуть, сантиметров на пять, не больше, и с той стороны на Ивана упала полоса яркого света. Затем щель увеличилась, и свет заслонила женская фигура. На Ивана смотрели холодные темные глаза. Правильное овальное лицо, плотно сжатые губы, взгляд острый, пронизывающий. Слез не видно, только очень бледна и печальна. У нее было такое лицо, что печаль подходила ей больше, чем радость, в печали она была хороша, как спящая царевна из сказки. А что до бледности – кто в Москве не бледен к концу декабря? Может быть, капитан Ком не так уж и неправ? Что-то в ней, безусловно, выбивалось из нормы. Иван пытался прочесть реакцию, но глаза смотрели совершенно спокойно, ровно и ничего не выражали. Лицо покериста, подумал Иван. И совсем, совсем не похожа на отца. Иван попытался вспомнить, какого цвета были глаза у Морозова, и не смог, но дело было даже не в этом. Высокая и тонкая, с длинной шеей и идеальной осанкой, стоящая перед ним девушка была породистой, про таких говорят, короче, принцесса. Даже одета так, словно собиралась играть в гольф. Морозов же был другим, скорее, из тех, что пробиваются из грязи в князи. Только не в князи, а максимум в купцы, если уж на то пошло.

– Алиса Андреевна? – спросил Иван, и взгляд девушки похолодел еще больше, минус пятьдесят по Цельсию. Космический холод.

– С кем я говорю? – спросила девушка. Голос оказался неожиданно мелодичным и густым, как мед.

– Майор Третьяков. Я работал с вашим отцом, он был моим начальником. Сочувствую вашей утрате, – Иван сразу зашел с козыря, чтобы массивная металлическая дверь не захлопнулась перед его носом.

– Вы сочувствуете утрате, – протянула нараспев девушка, словно пробуя слова на вкус. – Благодарю – и прощайте. Я уже сказала вашему коллеге, что не стану ни с кем говорить.

– Подозреваю, что он сам это заслужил. – Иван улыбнулся грустной, понимающей улыбкой – и развел руками: жест открытости, жест – демонстрация доброй воли. – Я и сам столкнулся с этим товарищем, и столкновение это было неприятным. Я сожалею, что именно он позвонил вам, но есть нечто, что гораздо важнее наших с вами эмоций. Найти убийцу...

– наших с вами, – неожиданно повторила девушка. – Между нами нет ничего общего, нас с вами ничего не объединяет, и не нужно навязывать мне эту ложь. До свидания, майор Третьяков.

Девушка толкнула дверь, но Иван успел вставить тяжелый высокий ботинок в просвет, и ногу довольно сильно придавило. Для таких случаев ботинки на рифленой подошве и на шнуровке были идеальны. Ивану приходилось – и не раз – проникать в квартиры, и вот уже много лет он выбирал для работы и жизни именно такую обувь.

– Мне нужно задать несколько вопросов, и я больше не потревожу вас. Неужели вам в самом деле нужны официальные вызовы?

– Так, значит? – нахмурилась девушка. – Вы вламываетесь ко мне в квартиру? Тогда официальный вызов случится прямо сейчас. Я позвоню в полицию!

– Давайте, – устало кивнул Иван, продолжая смотреть ей прямо в темные глаза. – Давайте, звоните, я только за. Могу опросить вас и в присутствии местной бригады, тем более что это наш район – мой и вашего отца, – и я, скорее всего, лично знаю тех, кто приедет. Думаете, отказ разговаривать пойдет вам на пользу?

– Ваш товарищ сегодня по телефону спросил, что я делала с трех до семи вечера и есть ли кто-то, кто может подтвердить мое алиби, – сказала девушка и распахнула дверь. – Вы тоже хотите задать мне несколько вопросов? Пожалуйста, проходите. Чувствуйте себя как дома! – С этими словами она тряхнула копной длинных ореховых волос, развернулась и быстро пошла в глубь квартиры.

Иван заметил, что девушка довольно сильно хромот. Споткнулась на льду? Вывихнула ногу? Стоя в прихожей, Иван огляделся. Квартира уютная, ухоженная, с хорошим ремонтом. Стены светлые, с картинами и фотографиями в подобранных друг к другу рамках. Вдоль всего коридора по внутренней стене тянулся высокий, под потолок, белый стеллаж, полный книг. Сотни, тысячи книг. Многие из них явно куплены еще в советские времена, это ясно по обложкам. Кто бы ни собирал эти книги, это был не Андрей Петрович Морозов. Он ничего не читал, кроме статей по криминалистике и судебной практике. Иван задумался на секундошку, испытал острый импульс – желание разуться: в квартире был светлый, идеально отполированный паркет. Иван посмотрел поочередно на свои подошвы. Ничего хорошего. Внутрь забился и таял снег. Иван чертыхнулся и принялся расшнуровывать ботинки.

– Что вы делаете? – услышал он. Алиса стояла в дверном проеме, в дальнем конце коридора и с изумлением смотрела на Третьякова.

– Наследить не хочу. Полы чистые, – пробормотал он.

Девушка задумчиво посмотрела на него, а затем подошла к шкафу в прихожей, нагнулась, достала оттуда тапки большого размера и протянула их Ивану. По ее лицу пробежала гримаса, и Иван безошибочно понял – почувствовала запах от одежды и, чего уж там, от самого Ивана. Наплевать. Подумаешь, принцесса Несмеяна.

– Спасибо, хоть не придется снова полы мыть. Пройдите в кухню, – сказала Алиса, а ее лицо снова стало непроницаемым.

Иван пошел за ней. Кухня тоже уютная и новая, белая, со стеклянными витринами и фарфоровыми фигурками, которые кто-то явно с любовью собирал. Алиса указала на стул около стола, и Третьяков присел на край. Сама она осталась стоять. Иван невольно продолжал разглядывать девушку. Надо же, какая красивая у Морозова дочь. Наверное, в мать пошла. Мать... Нет, с этого не начнешь, нужно с чего-то другого.

– Почему вы хромаете? Споткнулись на улице? – спросил он, и Алиса обернулась, нахмурилась.

– Нет. А почему вы спрашиваете?

– У меня работа такая – спрашивать. Я сам пару недель назад поскользнулся, упал и так вывихнул лодыжку, что пришлось мазать каким-то кремом. Или мазью, никогда не понимал, в чем разница. Вот я и подумал, может, вам к врачу надо.

– Не нужно мне к врачу, – ответила она. – Какие еще у вас ко мне есть вопросы? Если про алиби, то у меня его нет, ни до, ни после того, как отец уехал, я из дома не выходила и ни с кем не виделась, так что можете хоть сейчас строить версии, если хотите.

– Я даже в мыслях не держал, – ответил Иван, снова – в который уже раз – мысленно выматерившись. Чертов сержант, о чем только думал. Бывают же такие совершенно пустые головы. – А в какое время ваш отец уехал в Благино? Это вы можете мне сказать?

– Это могу, – пробормотала девушка, и лицо ее потемнело. – В тринадцать двадцать пять. Вообще он обычно уезжает рано, чтобы не попасть в пробку. Хотел уехать в восемь, но без десяти девять вернулся – забыл свою новую игрушку.

– Игрушку?

– Он купил свистульку, такую, чтобы уток, кажется, подманывать. Не знаю, я в этом не разбираюсь. Никогда не понимала его увлечения охотой. Он говорил, что это – чисто мужское, первобытное, от наших предков, которые жили в лесах. Древляне, кривичи и прочие. В общем, он все хотел победить мамонта... – Она замолчала, на этот раз надолго. Иван ее не перебивал, не спрашивал. Хорошо уже то, что она с ним вообще разговаривает. Хотел было включить диктофон, но передумал – побоялся спугнуть. – Вот за этой свистулькой он и вернулся.

– Он был один?

– Да, один, – кивнула она, но потом нахмурилась. – Нет, я не знаю, но думаю, что один. Я его не видела.

– В смысле? Вы же сказали...

– Я его не видела, я его слышала. Я была в своей комнате, когда он вернулся, и он крикнул мне, что забыл свистульку и что раз так, поедет попозже. Я выходила из комнаты, но он был у себя, разговаривал с кем-то, так что я не стала ему мешать. Только вытерла пол.

– Пол?

– Натекло на пол с ботинок. Вообще, у нас двор убирают ужасно, сваливают весь снег горами на обочину, а тротуар вообще нормально не чистят.

– Ладно, значит, он побыл еще дома и уехал. Так? В час двадцать пять? – Иван переспросил намеренно.

– Когда папа уезжал, он дунул в свистульку, такое получилось кряканье утки. И крикнул, чтобы я не засиживалась у компьютера, но это он всегда мне говорит. А после я слышала, как хлопнула входная дверь.

– У вас были какие-то свои планы на Новый год? Поэтому вы не поехали с ним на дачу? – спросил Иван и удивился, с какой жесткостью девушка ответила на его вопрос:

– Я никогда не езжу на дачу. Никогда.

– Почему? – опешил Третьяков.

– Какая разница? Разве недостаточно вам того, что сегодня меня там не было? Вы же это хотите знать? Я не была на этой чертовой даче ни разу за все пятнадцать лет, и ноги моей там не будет. Скажите, а вы как думаете, его убийцу найдут? Этот ваш товарищ сказал, что это было ограбление. Он называл папу «убитым», – сказала Алиса, голос – как шелест падающих листьев. – «Убитым».

– Сочувствую. Черт! Вот бывают же идиоты, – выпалил Третьяков. Набить бы этому Чертоку лицо, так, чтобы запомнил. И на всякий случай уволить к чертям собачьим.

– Да уж, – согласилась она. – Так что же? Что вы думаете? Найдут?

– Очень на это надеюсь.

– Я посмотрела статистику. Большинство дачных ограблений остаются нераскрытыми, это почти всегда глухари.

– Статистику? – хмыкнул Иван, но Алиса, кажется, даже не заметила его удивления. – Не стоит доверять статистике. Кроме того, именно поэтому я и здесь, пытаю вас этими вопросами, чтобы мы смогли полностью восстановить день вашего отца по минутам. Я как раз хотел спросить вас, было ли что-то особенно ценное в этот раз на его даче, но вряд ли вы...

– Да, я ничего не знаю об этом. Кроме разве этой его новой свистульки, которую он увез с собой.

– А время? Время вы прямо точно помните?

– Да, я точно помню время, – ответила Алиса. – Я же сказала, час двадцать пять.

– Вы посмотрели на часы? Когда? – спросил он агрессивнее. Тоже мне, Алиса – искусственный интеллект. – Именно в этот момент или примерно в этот момент?

– Именно в этот момент, да, – ответила она суше. – Нет, я не смотрела на часы, у меня просто хорошее чувство времени и память тоже – особенно на числа и последовательности. Я всегда могу достаточно точно сказать, который час. К примеру, сейчас двадцать один час сорок три минуты – плюс-минус одна минута. Можете посмотреть на часы, – кивнула она. Иван украдкой бросил взгляд на часы. Время было точное. Вот черт.

– А позже он вам не звонил?

– Он редко звонит мне с дачи.

– Вы не поздравляете друг друга с Новым годом?

– Я очень спокойно отношусь к смене чисел в календаре, и папа хорошо знает это. Он должен был вернуться первого января, – ответила Алиса.

– Скажите, пожалуйста, Алиса Андреевна, а он вам случайно не говорил, кого ждет к себе в гости на Новый год?

– У него было много друзей-знакомых, но таких, чтобы прямо близкие... нет, таких было мало, и почти все – там, в Благинине. Вам надо с Салатниковыми поговорить или с тетей Катей.

– Тетя Катя?

– Когда-то у папы был самый лучший друг, дядя Олег. Тетя Катя – его жена. Она вообще очень любит дачу, папа говорил, она там с ранней весны до поздней осени. Правда, зимой она туда вроде не ездит.

– Дядя Олег... Олег Викторович? Никитин? – спросил Иван, пролистав свои заметки.

– Да, именно он, – удивилась она. – Вам о нем уже известно? А впрочем... Они дружили семьями, его жена, тетя Катя, дружила с мамой. У них, кстати, тоже есть дочка, папа даже говорил, что мы с ней хорошо вместе играли на даче, только я не помню этого, маленькая была. Тетя Катя и дядя Олег сюда к нам тоже часто приезжали, и дочка их приезжала, только она намного меня старше, так что мы так и не стали общаться. Потом дядя Олег умер, и я больше, кажется, их никогда и не видела.

– Кажется? А как же ваша фотографическая память? – не удержался Иван.

Алиса покачала головой.

– Дело не в моей памяти, она, кстати, вовсе не фотографическая. А людей я почти никогда не запоминаю.

Иван сощурился.

– Никого и никогда не запоминаете? Такая избирательная память на числа?

– Почему – никого? Преподавателей и коллег я помню. Просто люди... не являются объектом моих интересов, – пояснила Алиса, и Иван с трудом удержался, чтобы не закатить глаза.

– Может быть, хотя бы имена друзей отца вспомните? Хоть кого-то? Мое имя, к примеру? Третьяков?

– Почему я должна помнить ваше имя? – нахмурилась Алиса.

– Ну, мы с вашим отцом довольно близко общались, он мне в свое время денег одолжил, очень помог. Вот, я ведь хотел даже у него Новый год справлять. Подумал, может быть, он упоминал – меня, кого-то еще.

– Так вы это не придумали? Вы говорили серьезно? – спросила Алиса, чем поставила Ивана Третьякова в тупик.

– Серьезно – что?

– Про вашу дружбу с моим отцом? – Она сощурилась. – Я думала, вы просто так, чтобы найти ко мне подход. В конце концов, я почти никого не знаю из его друзей. Вы что, в самом деле были его другом?

– Может быть, не лучшим – но другом точно. Я хорошо его знал и очень уважал, – кивнул он. – Мы вместе работали, а когда ваш отец пошел на повышение, продолжали общаться. Я знаю его почти десять лет, и он пригласил меня на дачу на Новый год. Собственно, именно так и вышло, что я там оказался.

Алиса застыла, прямая, как палка, и посмотрела на Третьякова так, будто увидела привидение. Затем она заговорила – через силу, с явным напряжением, медовый голос срывался на хрип.

– Это что же, вы его нашли? Вы лично нашли моего отца? Вы... были там, в Благинине? Вы видели его... тело? – спросила она, это слово далось ей с большим трудом.

Третьяков хотел поправить девушку, напомнить ей о пожарных, которые были на месте раньше него, но передумал. Он расскажет все подробно потом, а пока Иван только медленно кивнул. Алиса сделала произвольный глубокий вдох и закрыла лицо ладонями, как закрывают дети, чтобы не видеть страшную сцену в фильме ужасов. Нет, подумал Третьяков. Не железная, хоть и леди.

8

Она простояла так около четырех минут – ни жеста, ни звука, ни слезинки, – а когда убрала руки от лица, ее глаза были черны, как космический вакуум. Иван и хотел сказать что-то, но не нашелся, растерялся, что вообще-то на него не похоже. Уж он повидал на своем веку потерпевших и их родню, уж он умел выражать соболезнования и находить правильные слова. Он умел делать это, не включаясь лично, оставаясь под надежным прикрытием слов «это только работа», а сейчас вот молча смотрел в большие черные глаза и хотел провалиться сквозь чистый кафельный пол. Он откашлялся и спросил:

– У вас кто-то остался?

– Да, конечно, – ответила она так, словно просто хотела его успокоить.

– Это хорошо, – кивнул он. – Скажите, у вашего отца ни с кем не было конфликтов в последнее время?

– Он страдал перед смертью? – Она его совсем не слушала и смотрела куда-то мимо него на пустую стену.

– Я не знаю, – честно ответил Иван. – Не думаю. Есть высокая вероятность того, что он умер во сне. Экспертиза покажет больше, а пока... вы уж простите, я не смогу вам ответить на все вопросы, это в интересах следствия.

– В интересах следствия... – пробормотала она. – Нет, я не знаю о его конфликтах. Впрочем, это не значит, что их у него не было. У моего отца было много разных интересов – и по работе, и вне ее. Он был учредителем нескольких фирм, хотя я знаю, что ему плевать было на эти фирмы.

– Почему вы думаете, что ему было плевать на фирмы?

– Знаете, он часто говорил, что мечтает развязаться со всеми делами и уехать жить на дачу... ну насовсем, понимаете? Отец вообще меня в свои дела не особенно посвящал, но иногда он становился, как бы это вам сказать...

– Разговорчивее?

Алиса посмотрела ему в глаза и кивнула.

– То, что он выпивал, ни для никого не секрет, – сказала она чуть враждебно. – Это ему никак не мешало, он всегда знал, когда ему на работу и когда пить нельзя. И никогда не напивался до свинского состояния. Ну... почти никогда, – поправилась она. – Иногда люди просто бессильны перед собственными слабостями.

– Так что он сказал вам про свои дела? Что хочет все бросить?

– Он часто говорил, что оно того не стоит, вся эта суeta вокруг денег, что вообще люди переоценивают значение денег. И знаете, однажды он даже сказал, что все это – не шутки, и что с него хватит, и что он обязательно пошлет все к чертям... Да, он так и сказал: «Вот закончишь ты институт, Алиска, и я пошлю все к чертям. Уволюсь и уеду на дачу». Он сидел вот там, на том стуле напротив вас, – Алиса показала рукой. – Да, он был сильно пьян, сильнее обычного, потому что уже приехал домой пьяным, но я думаю, что-то его расстроило в тот день. Знаете, сильнее обычного.

– В какой день? Когда это случилось, примерно?

– Примерно? – Алиса склонила голову и закрыла глаза, сосредоточившись. – Это случилось летом, четырнадцатого июля, а время... была половина восьмого. Двадцать минут восьмого.

– С ума сойти, – не сдержался Иван, и Алиса еле заметно покачала головой, словно эта реакция ее раздражала.

– Не думайте, что это что-то сверхъестественное. Меня тренировали запоминать числа с самого детства, и я просто привыкла. Если мне нужно, я могу как бы... увидеть число, даже то,

какого оно цвета и формы, – это все техника запоминания. Придаешь числу дополнительный параметр. Меня этому мама научила, мы с ней много играли, например в «быков и коров», когда мне исполнилось три года. Потом с папой тоже, хотя ему приходилось записывать все цифры на бумажке. Он-то их не мог так же запоминать, как я. Почему-то у него никогда не получалось.

– Быки и коровы? – переспросил Иван.

– О, это очень просто, такая развивающая игра, – кивнула Алиса. – Один человек запоминает число, а другой должен его отгадать. Например, вы можете запомнить хоть сейчас.

– Какое? Одно число? Цифру?

– Нет, именно любое, только нужно заранее согласовать его разрядность. Можете загадать двузначное, но играют и в трех-, и в четырехзначные, и в пяти-. Впрочем, дальше это куда сложнее, если не записывать. А играть очень легко. Вы загадали?

– Действительно, «легко», – хмыкнул Иван. – Ну, допустим, загадал. Сказать?

– Нет, вы что! Дальше я назову число. Например, скажу – пятьдесят шесть. Если я не угадала ни одной из ваших цифр в числе – скажете, что мимо. Если я угадала цифру, но она не в правильном месте, это «корова». К примеру, если вы загадали шестьдесят пять – получается, две коровы. Мне останется только поменять цифры местами. А если я угадала только одну позицию полностью, а одну угадала частично, цифра не на своем месте – скажете: «Бык и корова». Моя задача – угадать ваше число за самое маленькое количество попыток.

– Что-то я ничего не понял. А если я загадал шестьдесят шесть?

– Тогда это один бык, – пожала плечами Алиса. – Все очень просто.

– Очень, очень просто, – мотнул головой Иван.

– Да не важно. Я не хотела вас запутать, просто хотела, чтобы вы поняли, почему я очень хорошо вижу и запоминаю числа, последовательности. У нас, кстати, многие такие.

– У вас?

– У нас в институте.

– А где вы учитесь? – спросил Иван. – Ваш отец говорил, что в МГУ, правильно?

– Да, в МГУ. Я там еще со школы занималась, и потом, тут у нас можно дойти пешком до любого корпуса, – добавила она почему-то виноватым тоном.

– А какой факультет, если не секрет?

– Никаких секретов. Вычислительная математика и кибернетика.

– Ничего себе!

– Ничего особенного на самом деле, – нахмурилась она. – Просто так уж сложились звезды. У нас по маминой линии много математиков и физиков. Такая уж семья.

– А ваша мама где живет, далеко? У них с вашим отцом какие были отношения? Я помню, Андрей Петрович говорил, что вы с ним вдвоем живете. Они давно развелись?

– Мама умерла, – пробормотала Алиса, и Ивану стало окончательно не по себе. Да, конечно, девушка взрослая, двадцать лет, но все равно, получается, теперь сирота.

– Сочувствую, – сказал он и закашлялся. – Я не знал, извините.

– Откуда вам знать, если отец никогда не говорит об этом – ни с кем, даже со мной. Я маму почти не помню, только по фотографиям и по его рассказам. Еще помню один момент, как мы куда-то идем, и она держит меня за руку и спрашивает про числа, а я ей отвечаю: «Быки или коровы». Я даже помню сами цифры, но, возможно, я сама себе придумываю это воспоминание. Хотя папа считает, что это все было в действительности. – Пока Алиса говорила о матери, ее лицо просветлело. Забылась, отвлеклась, затем одернула сама себя. – Так о чем мы говорили?

– О том, что ваш отец хотел все бросить. Скажите, вы не будете возражать, если я взгляну на его комнату? – спросил Иван.

Алиса задумчиво кивнула без особого энтузиазма. Тогда Иван добавил, что для осмотра ему нужно ее согласие либо ему придется уйти ни с чем.

– Нет-нет, давайте осмотрим комнату. Если вдруг там найдется что-то полезное... чтобы поймать убийцу... – Она прикусила губу. – Получается, вы считаете, его убил кто-то из знакомых?

– Давайте не будем делать преждевременных выводов, – аккуратно сказал Иван.

Алиса махнула рукой.

– Не хотите говорить – и не надо.

9

Комната Андрея Петровича Морозова оказалась крошечной, не больше девяти метров, самой маленькой в квартире. Полупторная кровать – двуспальная тут даже не поместилась бы. В комнате отсутствовал даже шкаф, потому что его просто некуда было бы поставить, так что вещи, по словам дочери, Морозов хранил в большом раздвижном шкафу в коридоре. Почти все место напротив окна занимал небольшой письменный стол, над ним на стене слева – две застекленные книжные полки. Простой стул, не компьютерный, а деревянный, с подлокотниками. На столе лежали вразнобой бумаги, ручки, стикеры, отдельно у стены – закрытый серебристый ноутбук, никогда раньше Иван его у Морозова не видел. Под столом стоял массивный принтер, валялись шерстяные носки. Иван наклонился к старомодному перекладному календарю и внимательно рассмотрел, пролистал его и сфотографировал все записи. Записей было немного, в основном какие-то цифры, иногда вместе с фамилиями. Были, очевидно, и телефонные номера. Алиса стояла в дверях и молча наблюдала за Иваном, и от ее взгляда становилось не по себе, словно он сам был под наблюдением.

– Ваш отец много работал из дома? – спросил Иван, повернувшись к Алисе.

– Достаточно много, да, – кивнула Алиса. – Я постоянно слышала, как он разговаривает по телефону, а иногда он так зарабатывался, что забывал поесть, и тогда я приносила ему еду.

– А чем он занимался? Я имею в виду, думаете, его дела были связаны с управлением или с чем-то еще? Я знаю, что Андрей Петрович имел отношение к какому-то бизнесу.

– Не смогу ответить вам, я в его дела не лезла. Думаю, и того, и другого понемногу. Бизнес... Да, у папы еще с девяностых есть доля в сети ресторанов, еще есть многопрофильная компания, они торгуют строительными материалами, в основном как посредники. Они же, насколько я знаю, стройматериалы доставляют по всей России и какие-то отдельные виды работ выполняют. К примеру, пару лет назад выиграли тендер на разводку электрики. Но там есть свой управляющий, а папа... Он всегда говорил, что не хочет лезть туда, пока все и так хорошо.

– Ваш папа обычно работал за этим компьютером? – спросил Иван, показав на ноутбук. Про себя он отметил, что для человека, который не лез в чьи-то дела, Алиса знает достаточно много.

– Почему вы спрашиваете? Это же очевидно, – возмутилась она.

– Вы не поверите, насколько мало очевидного в моей работе, Алиса Андреевна. Ваш папа мог использовать этот компьютер для каких-нибудь других целей. Мог играть на нем в «Mortal Kombat», к примеру. У меня в машине лежит ноутбук, на котором я работаю, ведомственный. А дома у меня тоже есть ноутбук, и я на нем вообще не работаю, только играю.

– В «Mortal Kombat»? – удивилась Алиса.

Иван усмехнулся.

– Могу и в него, но я больше в танки. Это я так, к примеру, что это мог быть игровой ноутбук. Или вообще чужой. Хоть бы и ваш. Или он может быть сломан. Мало ли...

– В таком случае, отвечу так: я предполагаю, что папа использовал именно этот ноутбук и именно для работы. Какой конкретно – не скажу, потому что папа, когда работал, всегда запирался и просил, чтобы я ему не мешала. А я и не возражала.

– Вот это хорошо, это другое дело. А телефон управляющего его компании вы знаете? И имя тоже желательно.

– С телефонами не подскажу. Рестораны называются «Старый лес», это такая сеть, русская и европейская кухня. Много банкетов. А компания... кажется «Форсаж Логистикс» называется.

– «Форсаж Логистикс»? – удивился Иван.

– Название давалось еще сто лет назад, не думаю, что оно что-то значит.

– Сто лет назад... Может быть, покупалась готовая фирма с таким названием? – вслух подумал Иван.

Алиса кивнула.

– Возможно, и так.

– Разберемся, уточним. Не знаете, доступ в ноутбук защищен паролем?

– Не знаю, ни разу не пробовала его включать, – покачала головой она.

– Если вы позволите взять ноутбук на анализ, наши специалисты решат этот вопрос. Позволите?

– А вы его потом вернете?

– Да, конечно, – пообещал Иван, как он делал всегда. Если в ноутбуке окажется информация, важная для следствия, он может переключиться в «вещественные доказательства», откуда уже никогда и ни к кому не вернется. Вещдоки хранятся бессрочно, чтобы в любой момент, в случае необходимости, их можно было достать с полки и использовать в соответствии с задачами. Но если бы Иван говорил людям правду, изъятие предметов стало бы настоящей головной болью. Поэтому Иван обещал, а потом, в случае чего, просто разводил руками и говорил, мол, «кто ж знал».

– Хорошо, забирайте. А можете ответить мне на вопрос, почему вы так уверены, что это не было простым ограблением? – спросила Алиса.

Иван замолчал, подбирая слова. С одной стороны, ни в коем случае нельзя дать девушке ложную надежду или определенную версию, которая бы закрепилась в ее памяти, потому что ему ничего не известно наверняка. С другой стороны, Алиса Морозова наблюдательна, и ее мнение, информация, которой она, сама того не зная, может обладать, имеет все шансы оказаться важной для раскрытия дела. Иван решил рискнуть и продолжить разговор.

– Я не уверен, что это не ограбление, но я не уверен и в обратном. Однако, как вы правильно заметили, мне интересны личные связи вашего отца. Есть обстоятельства, которые заставляют меня склоняться к тому, что простое случайное ограбление тут маловероятно. Скажу вам кое-что, хотя и не должен, но вы же меня не выдадите? – Иван улыбнулся самой доверчивой и открытой улыбкой, на которую был способен. – К примеру, в случайных дачных ограблениях чаще всего в дома попадают через окно, и такие способы проникновения легко заметить. Просто выбивают стекла и влезают внутрь, понимаете? Это же гораздо проще, чем взламывать замки. В случае с вашим отцом ни окна, ни двери не повреждены. Кроме того, грабители редко влезают в дом, где в момент ограбления кто-то есть. Куда проще обнести пустой дом, чем ввязываться в схватку с хозяином. А в Благинине и окрестностях целое море пустых домов.

– Может быть, они просто не знали, что отец в доме? – предположила Алиса.

– Во дворе стояла машина, в доме горел свет. Нет, думаю, это преступление не вписывается в классическую картину дачной кражи.

– Ах да, машина, – кивнула Алиса.

– Я считаю, что сейчас мы должны собрать как можно больше информации и не должны спешить с выводами. Экспертиза даст нам пищу для размышления, потом мы соберем все показания воедино. Много всего нужно учесть. Если это и было ограбление, то оно проходило не самым типичным образом, это все, что я хочу сказать. Но это не значит, что нужно исключить эту версию. Так что... если вы что-то вспомните, что угодно, – сразу звоните мне. – Иван положил на стол визитную карточку, кивнул и улыбнулся одними кончиками губ – просто в знак поддержки. – И вообще, звоните, если вам что-то понадобится.

– Хорошо, я позвоню, – кивнула Алиса.

Иван попросил пакет для ноутбука. Алиса подхватила, побежала, принесла специальный чехол и тряпичный черный портфель.

– Вот, берите.

– Я не шучу, – еще раз повторил Иван, упаковывая ноутбук. – Не как полицейскому. Звоните мне, как другу вашего отца. В любое время, что бы вам ни понадобилось. Хоть днем, хоть ночью. Обещаете?

– Я обещаю, – кивнула Алиса. Как показалось Ивану, она хотела сказать что-то еще, но потом передумала, тряхнула копной ореховых волос и промолчала.

Иван постучал пальцами по столу, вспоминая, о чем еще он не спросил. Голова работала плохо, усталость брала свое, и нейронные связи в мозгу нарушались. Спать! Ему нужно нормально выспаться, но он и понятия не имел, как это организовать. Иван посмотрел на часы, потом на Алису.

– Который час? – спросил он, и девушка улыбнулась, понимающе кивнула.

– Двадцать два часа тридцать семь... – она подняла вверх указательный палец, – тридцать восемь минут.

– Надо же, прямо точно угадала, – хмыкнул Иван.

– Нет. Я не гадала, – поправила его Алиса.

10

В двадцать два часа сорок семь минут Иван сидел в своей остывшей машине во дворе дома на Мичуринском проспекте и ждал, пока прогреется двигатель. Что делать дальше, после этого, Иван не придумал. Ехать обратно в управление? Да, от дома подполковника Морозова до управления было рукой подать, но два обстоятельства огорчали Третьякова: отсутствие в управлении душа и наличие значительного количества знакомых. Отвечать на их вопросы он не мог, не было сил. Ехать домой? Сыновья, скорее всего, уже спят, они еще в том возрасте, когда планы по поимке Деда Мороза обречены на провал. Ему же, если даже он придет домой, придется сначала выслушать агрессивные объяснения жены, суть которых в том, что в ее измене он виноват сам. А потом ему придется лечь спать в ту самую кровать, где он застал ее с «хорошим школьным другом». Не вариант. Больше вариантов не было, поэтому Иван продолжал сидеть в тихо бурчащей машине и смотреть перед собой – на сугроб с краю тротуара. Согревшись немного, он вдруг понял, что именно хочет сделать. Пристегнувшись, Иван выехал из двора на улицу и принялся кружить в поисках того, что ему было нужно. Он искал круглосуточный магазин – такой, который бы работал в двадцать два часа сорок семь минут, невзирая на Новый год.

Магазин нашелся быстро, и именно такой, который нужен был Ивану – маленький, частный, на первом этаже жилого дома, под названием «Дубравушка». Иван осмотрел двор неподалеку, нашел укромное местечко, запарковался и вышел из машины. В магазине «Дубравушка», как и ожидал Иван, перед телевизором сонно дремал подвыпивший черноволосый прыщавый парнишка лет двадцати.

– Уважаемый, продайте мне праздник, – обратился к нему Иван. – А то так тошно без праздника, что не передать словами.

Парень посмотрел на Ивана с подозрением, оценивающе. Грязный пуховик, потрепанное небритое лицо говорили в пользу Ивана, но на всякий случай паренек все-таки нахмурился и строго сказал:

– Мы праздником только до двадцати двух торгуем.

Иван обезоруживающе улыбнулся.

– Я уверен, что в честь Нового года можно сделать и исключение. Серьезно, брат, ушел от жены. Пропадаю, понимаешь?

– Загулял? – с пониманием отреагировал паренек.

– Ага, загулял, – подтвердил Иван.

Уже через десять минут он вернулся к машине с добычей. Откинув сиденье чуть назад, он подсоединил телефон к зарядке и включил онлайн-трансляцию какой-то новогодней лабуды со скачущими и поющими «звездами». Лабуда раздражала, так что Иван выключил звук, оставив только видео. Он вынул из пакета бутылку водки, поставил ее в отделение для стаканов и открыл крышечку. В машине резко запахло спиртом. Иван взял с соседнего сиденья купленные для Морозова грибы, с усилием отвинтил крышку и принялся. Пахло гвоздикой и лаврушкой – хорошо. Он вынул из пакета хлеб, половинку черного «кирпичика», нарезку-карбонад в пластиковой упаковке и пачку пластиковых ложек – вилок в «Дубравушке» не нашлось.

– Да будет тебе земля пухом, Петрович, – сказал он и отхлебнул из бутылки.

Иван пил водку из горла и запивал ее томатным соком и курил в тишине, ел хлеб и карбонад. Он был голоден как черт. Наслаждение как оно есть, особенно когда там, за тонкой защитой крашеного металла, зима, холод, и снег. Бензина в машине было достаточно, и можно было спокойно дожить до утра. Наевшись и напившись, Третьяков откинул сиденье на максимум, приладил телефон поудобнее и включил вместо «лабуды» каких-то комедиантов. Он уже спал, когда телефон завибрировал, и не сразу понял, что происходит. Иван дернулся и уставился

на экран. На черном фоне горели белые цифры – высветившегося номера Иван не знал. Он бросил взгляд на часы на панели приборов. Половина двенадцатого, черт, кого опять несет? Не бери, пошли они все к чертовой бабушке. Наверняка жена звонит.

Ненавистный внутренний голос прозвучал громко и четко: а вдруг что-то срочное? Иван устало закрыл глаза. Телефон продолжал плясать и звенеть.

– Третьяков слушает, – сказал он максимально сухо и враждебно, проклиная свою профессию. Никакой личной жизни даже в Новый год.

– Алло? Иван Юрьевич? – услышал он бархатный женский голос. Не жена. Уже легче. – Простите, что беспокою вас в такое время, но вы сами сказали, что когда угодно...

– Представьтесь, пожалуйста, – потребовал он.

– Это Алиса. Морозова. Вы сказали... в любое время...

– Алиса Андреевна? Да-да, конечно, – Иван тряхнул головой, пытаясь сбросить сон и неприятную, вязкую пьяную пелену. – Что-то случилось?

– Нет-нет, ничего не случилось. Я вас ни от чего не отрываю?

– Нет, не отрываете... Погодите секунду, – Иван поставил телефон в громкий режим, а сам потянулся за сигаретами. – Говорите, пожалуйста, я вас внимательно слушаю.

– Извините, что побеспокоила.

– Ничуть вы не побеспокоили, – заверил ее Иван с плохо скрываемым раздражением. – Говорите.

– Я вспомнила один наш разговор с папой, только сейчас вспомнила. Не думаю, что это важно, но вы сказали, что угодно может иметь значение, я и подумала, что должна вам рассказать.

– Все правильно, рассказывайте. – Иван сосредоточился и достал из бардачка кусок бумаги – кажется, прошлогодняя техническая карта. – Когда случился этот разговор?

– Это было в начале октября, девятого числа, вечером, в одиннадцать сорок примерно.

– Примерно, да? – ухмыльнулся Иван.

– Точно – одиннадцать тридцать восемь, – строго сказала Алиса.

– Извините, – пробормотал Третьяков, матерясь про себя. – Продолжайте.

– Папа был довольно сильно пьян, с ним такое случается. Он сидел на кухне, когда я вошла, и спросил меня, чего я хочу на день рождения. У меня день рождения в конце января, так что разговор казался преждевременным, но папа очень любит дарить подарки, и поэтому я подумала, что он просто хочет что-то заранее заказать. Я, конечно, сказала, что буду рада любому подарку, хотя, по большому счету, мне было все равно. У меня ведь есть абсолютно все, но он постоянно искал, что бы еще придумать. А тут, тем более, двадцать один год. Настоящее совершеннолетие, как он говорил.

– А почему вы считаете, что это может иметь отношение к его убийству? – влез Иван.

– Я не считаю, с чего вы взяли? – удивилась Алиса. – Просто он тогда вел себя странно.

– Готовить подарок дочери – странно?

– Нет, не в этом дело, – поморщилась она. – Вы дослушайте. Он тогда спросил меня, считаю ли я его хорошим отцом. Он никогда не спрашивал у меня такого, понимаете? Я растерялась, даже не знала, что отвечать. Он всегда был просто идеальным отцом, и я уверена, что он прекрасно это понимал, поэтому-то я и была так удивлена. И потом он сказал, что хочет сделать мне самый ужасный подарок, который я только могу представить.

– Ужасный? – переспросил Иван, подумав, что ослышался.

– Именно так. Я тоже решила, что он просто несет какую-то чушь, с ним такое иногда бывало. Он ведь довольно сильно выпивал, причем ему, к сожалению, даже не нужна была компания. Он мог просто сидеть и пить, сам с собой, на кухне, а когда сильно напивался, мог начать заговариваться, ругаться на кого-то, злиться, материться. Я на такое никогда не обращала внимания. Наутро он, как правило, ничего не помнил. Но такого он мне не говорил.

И посмотрел он на меня так странно, что мне стало не по себе. Я, помню, спросила его как бы в шутку: может, он признается, что я не его дочь? На двадцать первый день рождения, как в мексиканских сериалах.

– А он что?

– А он расхохотался и долго смеялся, но таким, знаете, истерическим смехом. Пьяным смехом. Потом вдруг посерьезнел и сказал, чтобы я даже думать о таком не смела. Что я его дочь на сто процентов, я – его смысл жизни и все такое. Тогда я сказала, что если этот подарок будет такой же ужасный, как и тот, на восемнадцатилетие, то не стоит мне его дарить вообще, а лучше купить новый телевизор в шестьдесят дюймов, потому что я с сокурсниками иногда дома смотрю документальные фильмы. Он тогда выдохнул, посмотрел мне в глаза и кивнул. Сказал, мол, договорились. И ушел на кухню. Я говорю об этом, чтобы вы понимали, насколько он был в тот день пьян. Так что это все – ерунда и мелочь и не стоит вашего внимания.

– Определенно не мелочь и стоит внимания, – заверил ее Иван. – Интересно, а что такое ужасное он подарил вам на восемнадцатилетие?

– Он записал меня в кружок по стрельбе ДОСААФ. Решил, что я должна уметь постоять за себя, хотел, чтобы я научилась стрелять. Вы можете представить меня – и оружие? – она усмехнулась. – Отец все мечтал, что однажды я изменюсь.

– Послушайте, Алиса Андреевна, раз уж мы говорим о мелочах, я хотел у вас еще кое-что спросить. Я совсем забыл об этом, когда был у вас. Вы не видели, забрал ваш отец подарочную бутылку виски с собой на дачу в тот день? Мы подарили ее ему буквально накануне.

– Я не знаю. Виски? – переспросила Алиса. – Я в спиртном совсем не разбираюсь.

– Такая выпуклая бутылка...

– Я могу посмотреть, конечно... – растерялась она. – Выпуклая?

– Знаете что? А можно, я к вам сам еще раз зайду и посмотрю?

– Да, конечно. Когда? Завтра?

– Кто знает, чем я буду занят завтра, – вздохнул Третьяков, причем совершенно искренне.

– Сегодня? Ну, хорошо, давайте, если вам не сложно, – удивленно согласилась Алиса.

– Вот и отлично, тогда ждите, – сказал Иван, не заметив, как пепел с сигареты падает ему на свитер. – Вот черт! – Он принялся стряхивать пепел на пол, затушил сигарету.

– Что случилось?

– Нет, ничего... Ерунда. – И Иван повесил трубку.

«Дубравушка», около которой Иван завис, была совсем рядом, он отъехал всего на несколько сотен метров от морозовского дома, так что, учитывая употребленную водку, Иван ехать на машине не стал, пошел пешком. Путь от «Дубравушки» до дома Морозова занял у него всего шесть минут. Увидев удивленное, озадаченное лицо Алисы Морозовой, он сразу все понял, но как объяснить свое практически моментальное появление, не знал. «Да и черт с ним, – решил он. – Пусть думает, что хочет. Тоже мне, принцесса».

– Вы держите алкоголь в каком-то специальном месте? – Тон – максимально профессиональный. Состояние – «убейте меня», к тому же Иван вдруг очень хорошо осознал, что все же пьян. Да, он не допил бутылку, но много ли ему надо после двух бессонных голодных дней? Ивана штормило, и он прилагал титанические усилия, чтобы не выдать это.

– Сказать честно, мы спиртное в доме не держим, оно у нас не задерживается. Но есть несколько бутылок в баре в гостиной. – Алиса говорила холодно, с осуждением. Развернувшись, пошла в гостиную, Иван поплелся за ней.

Там, в такой же идеально чистой, уютной комнате, в ореховом секретере стояло несколько бутылок красного вина, начатый шотландский кремовый ликер, запечатанная бутылка алтайского бальзама.

– Интересный набор, – пробормотал Иван.

– Все то, что папа терпеть не мог. Ну что, нету тут виски вашего? А зачем вам понадобилась именно эта бутылка?

– Не могу вам сказать, – вздохнул Иван и тут же пожалел об этом. Нет, дышать в ее сторону не стоит. И вообще, не нужно было приходить.

– Тайны следствия? – презрительно бросила она. – А можно вас спросить, в таком случае, почему от вас самого спиртным пахнет? Вы что, выпили?

– Нет, я просто шел-шел и случайно водкой облился, – разозлился Иван. – В конце концов, сегодня – Новый год.

– Я не совсем понимаю... Я выдернула вас с какой-то вечеринки?

– Ниоткуда вы меня не выдернули. И вообще, вы совершенно правы, – сказал Иван и посмотрел девушке прямо в глаза – зло, с вызовом. – Я нахожусь под воздействием опьяняющего вещества. Я же не знал, в конце концов, что вы позвоните. Хотя все равно не должен был...

– Не должны были – чего? Пить? Или приходить? – уточнила Алиса.

– Хочу заверить вас, что мое состояние никак не скажется на качестве... м-м-м... следственных действий. Мне только нужно было удостовериться, что ваш отец забрал подаренную ему бутылку виски с собой на дачу. Я удостоверился.

– Вы уверены? – хмыкнула она.

– В чем? – не понял он.

– В том, что завтра вспомните, в чем вы удостоверились.

– Послушайте, не нужно меня оскорблять. Я вовсе не так сильно пьян, как вы это рисуете.

– Теперь я точно верю, что вы – друг моего отца.

– Если хотите, можете на меня жалобу написать, – съязвил Иван. – Меня даже могут уволить за это. Все в ваших руках.

– Никуда я не собираюсь писать. Мне вообще все равно, что вы выпили! – заявила вдруг Алиса.

Иван замолчал и окончательно протрезвел от удивления. Девушка кивнула и принялась ходить по гостиной, рассуждая вслух и загибая пальцы.

– Я просто не понимаю кое-что... Вот, к примеру, одежда у вас грязная, в саже. И вы явно усталый. Получается, вы приехали сюда, скорее всего, прямо из Благинина. Так?

– Так, – кивнул он. – То есть почти так. Я еще был в управлении, но там я не пил.

– И сейчас Новый год, а вы здесь, со мной, – продолжала она, не обращая на него внимания. – Но дело даже не в этом. В тот момент, когда я вам позвонила, вы уже были здесь. Или, что еще более вероятно, вы никуда и не уезжали. Почему, зачем вы остались? Есть только один вариант.

– Интересно какой? – Теперь уже Третьяков скептически хмыкнул.

– Вы следите за квартирой. Или за мной? Скорее всего, за мной. Значит, все-таки вы именно меня подозреваете, хотя и не признаетесь. Нет, мне на это наплевать. Пусть и подозреваете, какая разница. Да, у меня нет алиби, но я была дома весь день. Я выходила со своего компьютера в Интернет, и это легко отследить, так как я не использую никакой специальной защиты или VPN, так что все мои выходы зафиксированы. Если этого недостаточно, можно посмотреть, кому я звонила и где. Жаль только, что ваши подозрения означают, что больше никого у вас нет. Вы понятия не имеете даже, с чего начать и где искать убийцу моего отца.

– Хорошая версия, но ошибочная. Нарушение в логике, – сухо сказал Иван, и теперь Алиса услышала и повернулась к нему.

– Что вы имеете в виду?

– Вы сказали, что есть только один вариант. Это не так. Вы обязаны исходить из того, что могут быть и другие.

– Думаете, ко мне сюда может прийти убийца отца?

– Нужно мыслить шире. Не стоит ограничивать свои версии. У меня могли быть и другие причины, по которым я оказался рядом с вашим домом.

– Другие причины? Вы живете рядом? – наморщила она лоб.

Иван усмехнулся и кивнул.

– Вот, уже две версии, видите. А где две, там и три. Алиса Андреевна, я не потому сидел около вашего дома, чтобы за вами следить. Да и сидел я не около вашего дома, если уж на то пошло, а около магазина «Дубравушка», знаете такой?

– Знаю, – опешила она. – Но зачем вы там сидели?

– Затем, Алиса Андреевна, что так уж вышло, что именно сегодня ехать мне просто некуда. Я... у меня свои проблемы. Личные проблемы, но вам они не интересны. Главное, никто за вами не следил и никто вас ни в чем не подозревает. Если этот идиот Черток вам ерунду наговорил, я прошу вас – от себя и от всего нашего управления – забыть и наплевать. Договорились?

Алиса Морозова хлопала ресницами и смотрела на Ивана так, словно он говорил на иностранном языке и требовал перевода.

– Я не понимаю, вы сидели в самом магазине? – переспросила она.

– Почему в магазине? Я сидел в машине. В своей машине, – добавил он. – Не в чужой. И не сидел, а лежал, если говорить точно. Спал. Никого не трогал. А вы мне позвонили.

– Вы спали в машине, когда я позвонила? – наконец поняла она.

Иван развел руками и кивнул. Алиса молча приложила ладонь к губам, как делают люди, увидевшие что-то неожиданное.

– Это ничего, это не проблема, поверьте. Вообще не берите в голову, – попытался успокоить ее Иван, но Алиса вдруг развернулась и вышла в коридор. Уже там она обернулась к Ивану и спросила строго, как школьная учительница:

– И что же вы стоите? Идемте!

– Куда? – растерялся Третьяков.

– На кухню, ужинать.

– Что? – скривился он.

– Потом примете душ и ляжете спать. И даже не думайте мне возражать, слышите! Все равно мне не по себе оставаться одной в Новый год. И не советую вам возражать, а то я могу передумать и таки написать на вас эту самую жалобу, о которой вы говорили! – И Алиса Морозова, словно точно зная, что Иван ее послушается, пошла, хромя, в кухню.

Третьяков поплелся за ней.

11

Сложным временам – экстремальные решения. Ивану Третьякову не было ни стыдно, ни неудобно. Он даже не чувствовал себя странно, хотя должен был. Все-таки он в чужом доме, под струями горячей воды в душе, мылся чужим гелем с резким запахом лаванды, потом нацепил на себя чужую одежду – фланелевые штаны в клеточку и широкую в плечах красную футболку с эмблемой «Динамо». То, что дала ему Алиса. Неудобно, но наплевать. Он слишком устал, чтобы хоть что-то чувствовать. Ему совсем не мешали крики за окном и звуки новогодней канонады. Город сходил с ума, празднуя наступление Нового года, а Иван дошел до точки, когда даже думать не мог о том, чтобы покинуть квартиру Морозова и вернуться туда, на мороз, в машину, пропахшую куревом, водкой и грибами. Пусть лучше лопнет его совесть.

Впрочем, Алиса, кажется, была даже рада присутствию в доме хоть кого-то. Во всяком случае, вела себя так, словно не было вовсе ничего необычного в том, что сотрудник полиции при исполнении остался у нее ночевать. В конце концов, не просто сотрудник – друг ее погибшего отца. Что тут такого? Она положила Ивана спать в гостиной, на белом кожаном диване, и единственная мысль, которая промелькнула у Ивана в усталом мозгу перед тем, как он отключился: заляпаю – вовек не расплачусь, диван дорожный.

Утром Иван впервые за долгое время открыл глаза сам, по доброй воле. Для того чтобы проснуться, у него не было ровно никаких причин, кроме той, что он больше не хотел спать. Странное чувство, приятное и незнакомое. Обычно его будил будильник. Дома же, даже если случалось получить нормальный полноценный выходной, дети не давали выспаться, прибегали, запрыгивали на кровать, толкались и возились, как беспокойные щенята. В этом и было счастье, Иван никогда не жаловался, боже упаси, – но вот так выспаться не получалось давно. Иван прислушался – тишина, только громко тикают большие напольные часы. Огляделся – на табуретке рядом с его диваном лежала сложенная стопочкой одежда – его одежда, только выстиранная и выглаженная. Не нашлось только носков. Тут уж Ивана бросило в краску, он понятия не имел, как и когда Алиса Морозова умудрилась это проверить, но, определенно, пока он дрых, девушка возилась с его тряпками. Быстро, суетливо Иван выпрыгнул из одолженных ему вещей Андрея Петровича и влез в чистые джинсы, рубашку, свитер. Затем воровато огляделся – не видела ли его метаний и прыганья на одной ноге эта странная девица. Отчего-то вместо благодарности за заботу Иван испытал необъяснимое недовольство. Она нарушила его границы. Хотя надевать сейчас вонючие и грязные шмотки было бы мучительно, так что нечего и капризничать. Не сахарный.

Алиса обнаружилась на кухне – снова одетая так, словно готовилась к фотосессии «Английская королева в неформальной домашней обстановке», она сидела с чашкой странно пахнущего чая в руках и планшетом на столе, что-то читала и не сразу заметила Ивана. Когда она подняла взгляд, ее от природы печальные черные глаза смотрели спокойно, ничего особенного не выражали. Незнакомка. Дистанция. Вот и хорошо.

– Надеюсь, я вас не разбудила? – спросила она с непроницаемо-вежливой улыбкой.

– Нет-нет, что вы. А который час? – спросил он хриплым со сна голосом. Алиса фыркнула и ответила.

– Девятый. Хватит меня проверять.

– И не думал. Просто забыл посмотреть на часы. А вам что, сложно сказать, что ли?

Алиса усмехнулась и спросила, будет ли Иван пить травяной чай. Иван скривился так, что девушка рассмеялась. Смех менял ее лицо до неузнаваемости.

– Кофе вам сделать, что ли?

– Звучит, как мечта, – кивнул Иван. Он проследил за Алисиным взглядом и понял, что она смотрит на его босые ноги.

– Я вам другие носки дам, ладно? – сказала она тоном, не допускающим возражений.

Иван насупился, хотел было спросить, что не так с его носками, но не стал. С его носками все было не так. Их, вроде, не назовешь дырявыми, но и целыми они тоже не являлись. Через пятки можно было разглядеть весь мир, такой тонкой стала ткань. Иван подумал, что он просто замучился чувствовать себя плебеем в присутствии этой лавандовой принцессы, живущей в своем трехкомнатном замке. Не хватает только дракона, который бы ее сторожил.

Когда кофе был выпит, а бутерброды с колбасой съедены, Иван вдруг понял, что просто умирает, как хочет курить. Он испытал и желание покинуть скорее гостеприимную квартиру Алисы Морозовой, словно случайный любовник, получивший свое и спешащий теперь вернуться к своей нормальной жизни, пока его не втянули в какие-нибудь «отношения». Дурацкое чувство, но именно так он и ощущал себя.

– Спасибо вам огромное за все, – пробормотал он и наткнулся на темный взгляд Алисы.

– Не стоит благодарности.

Что ж... он откашлялся и сменил тему. Пробормотал, что ему в общем-то пора, у него дела, он будет держать ее в курсе и обязательно на связи, и чуть что – пусть сразу звонит, ей обязательно сообщат, если что-то новое... В общем, произнес все положенные в этом случае слова. Алиса слушала его молча, не перебивая, а потом кивнула и молча отвернулась. Уткнулась в планшет, нажала на экран, перелистнула страницу.

– Если что-то понадобится... тоже сразу звоните, я помогу.

– Да, конечно, – кивнула она.

Иван никак не мог понять, обиделась она или нет, и вообще, что именно он сделал не так. Это чувство – что он сделал что-то не так – не отпускало, даже когда Третьяков оказался на улице. Впрочем, своих проблем хватало. Третьяков прикурил и затянулся с наслаждением.

Утро было морозным и ясным, самое время тащить детей в лес на лыжах кататься. Жена ненавидела лыжи всей душой, а Третьяков любил, когда снаружи холод обжигает щеки, а внутри – жар от того, как разогнавшаяся кровь бежит по венам. Он вообще любил напряжение, физическую нагрузку и тренировки, на которых выкидывал из головы все лишнее, был здесь и сейчас. Любой оперативник или следователь должен быть в хорошей физической форме, и не потому, что таковы требования, а потому, что такова жизнь. Оперативник редко ходит на опросы с табельным оружием, но иногда хороший удар ногой может спасти жизнь – тебе или кому-то еще. Иван много лет занимался джиу-джитсу, иногда захаживал в качалку – но это больше так, для развлечения и чтобы полежать в сауне.

Иван дошел до машины, завел мотор – тот поддался с недовольством, похрипывая на морозе. Город спал, снег был усыпан ошметками от фейерверков и петард. С Новым годом, Москва! Иван оставил двигатель прогреваться, а сам собрал мусор, выкинул остатки вчерашнего пиршества в помойку у подъезда и набрал номер управления. Ответили не сразу, с десятого гудка, хотя звонил он на свой, недоступный обычным гражданам, номер.

– Филоним? – хмуро поинтересовался Третьяков, продолжая хандрить без видимых причин. – Где вас всех там носит?

– Третьяков, а ты чего не спишь? Работать тянет? Тебе надо доктору показаться, – с ходу хохотнул дежурный на телефоне, Леха Никонов.

– Искал меня кто?

– Супруга твоя звонила, спрашивала, с кем ты Новый год справляешь. Грозилась жаловаться начальству.

– Seriously?

– Нет, шучу, конечно, что ты. Ничего она не звонила, она лично приезжала. Что, не ждал? Не бойся, мы ей сказали, что ты на трупе. Так что с тебя – бутылка.

– Леха, не дури.

– Да звонила, звонила она, успокойся, – ослабил хватку дежурный. – Но про труп мы ей и правда сказали. Чего у вас там происходит, поругались?

– Кто-нибудь еще меня искал, кроме жены?

Оказалось, ему звонили из криминалистической лаборатории Твери. Эта новость заставила Ивана встрепенуться. Не ждал так рано. Впрочем, дело же высшей категории срочности, так что объяснимо. Кто-то в Твери вместо застолья корпел над морозовским телом. Некто по фамилии Карташов.

– А зовут-то как?

– Не знаю, не записали. Да какая разница! – возмутился Леха. – Ты пишешь номер-то?

Бумажки у Третьякова не было, записал телефон эксперта прямо на ладони. Набрал и подумал – лучше бы из управления позвонил, а то со своего мобильного разоришься. Привычка экономить каждую копейку сказалась, а потом – вдруг в первый раз за эти два дня – его обожгла мысль: «А кому он теперь-то должен? Морозова нет в живых, расписок тоже нет. Дочь его, кажется, вообще не в курсе. – Мысль была мерзкой и грязной, но манящей, как реклама стриптиз-клуба. – Не отдавай. Два миллиона – это же огромные деньги. Плевать на эту принцессу. Соблазн, черт возьми. Какой соблазн».

– Майор Третьяков из Москвы. Мне нужно поговорить с Карташовым, мне оставляли информацию в управлении.

– Ах, да, точно. По поводу идентификации тела сейчас позову вашего Карташова.

– В смысле – идентификации? – опешил Иван, но говорящий уже исчез. Вернулся другой, он говорил медленно, нараспев и все время вставлял в свою речь «дорогой мой».

– Да, – подтвердил он после всех нужных представлений. – Нам хорошо бы родственника на опознание привезти, дорогой мой.

– Какое опознание, я видел тело, там невозможно ничего опознать.

– Дорогой мой, при чем здесь это? ДНК, знаете ли, самое оно в таком случае. Нам нужен родственник, чтобы взять образец для сравнения, как делают при авиакатастрофах. Там опознавать вообще нечего.

– И как срочно вам нужен образец? Как вам его переслать?

– Переслать... Нет, лучше бы, чтобы ваш родственник просто приехал к нам. Можно, конечно, установить личность по зубкам. Вы знаете, у кого он зубки-то лечил? Я бы хоть снимки посмотрел, а так, дорогой мой, я даже не могу написать «предварительно опознан».

– Хорошо, это я понял. А что еще удалось установить? – спросил Иван, вклиниваясь в этот раздражающий распев.

– Предварительно, вы имеете в виду? – с намеком уточнил он.

– Что же еще я могу иметь в виду? – ответил Иван, с трудом удержавшись, чтобы не добавить «дорогой ты мой человек». – Я в чудеса не верю, в том числе в экспертизу под елочкой.

– Это вы правильно делаете, дорогой мой. Как, вы сказали, вас зовут?

– Майор Третьяков.

– А по отчеству? – хитро переспросил эксперт.

Иван невольно улыбнулся. В Москве криминалисты другие: суетные, на пятой передаче, быстрые и злые. Их никогда не интересуют имена. Тверской эксперт действовал спокойно, тщательно, с умом – как и положено.

– Иван Юрьевич.

– Ну, а я – Илья Константинович. Так вот, Иван Юрьевич, мой дорогой, относительно того, что нам удалось установить предварительно. Картина у нас с вами складывается престранная.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, к примеру, причину смерти. В нашем случае – это асфиксия.

– Значит, задохнулся дымом? – уточнил Иван. – Чего же странного?

– А вот и нет, дымом он не задохнулся, – посерьезнел Карташов. – Убитый скончался еще до начала пожара.

– До пожара? – оживился Третьяков.

– В дыхательных путях нет продуктов горения, то есть он не сделал ни одного вдоха, когда начался пожар. Во-вторых – и это даже важнее – там же, в дыхательных путях, имеются микрочастицы пластика. И не просто пластика, а термопластичного полимера этанола средней плотности, используемого обычно при изготовлении так называемых пакетов-маек, которые раздают на любой кассе любого «Ашана».

– Ему на голову надели пакет? – уточнил Третьяков, тоже моментально посерьезнев. – Вы уверены?

– Я не могу быть ни в чем уверен до окончания экспертизы, мой дорогой, но да, такой вариант представляется вполне вероятным. Тип пакета я вам, конечно, не уточню, только материал, из которого он был изготовлен. Однако есть еще одна интересная деталь. Следы пригоревшего пластика снаружи отсутствуют, только в легких.

– Задушили и сняли, – кивнул Иван. – Сначала убили, затем сожгли, вероятнее всего, чтобы скрыть улики.

– Вероятности – не моя специализация. Но, думаю, мой дорогой, вам будет интересно узнать, что на шее убитого остались следы стягивания. Вероятнее всего, использовалась та же кабельная стяжка, которой у убитого были зафиксированы руки и ноги.

– Я не видел следов на шее, – возразил Иван и в ответ получил длительную паузу. Затем эксперт Карташов откашлялся.

– Мы, мой дорогой, потому и эксперты, что можем исследовать то, чего не видно. Следы на шее визуально почти не сохранились, так как именно его голова явилась очагом возгорания, причем с использованием катализатора.

– Значит, его облили каким-то горючим материалом, перед тем как поджечь, – пробормотал Иван.

– Голова, шея, плечи, корпус и руки обгорели сильнее всего, местами до костей. Нам достаточно микроскопических объемов, скажем, легких, чтобы провести исследование, но у нас имелись определенные сложности с извлечением образцов. Что еще вам сказать. Ах, да. Перед тем как задушить, убитого опоили снотворным.

– Что? – Тут уж Иван не сдержал удивления.

– Именно то, что вы слышали, – отрезал эксперт. – Следы психотропного вещества присутствуют как на стенках бутылки, обнаруженной около покойного, так и в крови покойного. Причем вещество там присутствует в такой концентрации, что можно с уверенностью сказать, что в момент убийства он был без сознания. Только, пожалуйста, не спрашивайте меня опять, уверен ли я. Ваши коллеги уже спрашивали.

– Мои коллеги?

– Ко мне приезжал капитан Ком.

– Понятно, – выдохнул Иван. – Не берите в голову, они просто хотят закрыть дело. Давайте исходить из того, что я не стану доставлять вам никаких проблем глупыми вопросами. Что за вещество? Вы сказали, психотропное? Клофелин, что ли?

– Что интересно, нет. Не клофелин, хотя, казалось бы, самый очевидный кандидат. Препарат, с помощью которого ввели в бессознательное состояние вашего убитого, называется флуниотразепам. Не слышали о таком?

– Флуниотразепам? – сощурился Иван. – Погодите, погодите, это же транквилизатор, да? Снотворное?

– Не совсем. Этот весьма сильнодействующий препарат можно, конечно, отнести к группе транквилизаторов, так как, определенно, он имеет седативный эффект. Однако флуниотразепам действует значительно сильнее традиционных седативных средств. Этот препарат

использовался для анестезии и в лечении некоторых серьезных неврологических заболеваний и психических расстройств. Однако больше всего этот препарат прославился как наркотик изнасилования. Любимый препарат киносценаристов. В принципе, суть действия такая же, как и у клофелина, за небольшим исключением. В сочетании с алкоголем вызывает провалы в памяти. Человек отключается, находится без сознания несколько часов, а затем приходит в себя и ничего не помнит. Очень удобно для насильников. Вы «Мальчишник в Вегасе» смотрели, мой дорогой? Вот там героев «накормили» аналогичным препаратом, там он называется рофинолом. Хороший, кстати, фильм, смешной. Особенно момент, когда в гостиничном номере находят тигра Майка Тайсона, н-да.

– Интересно, отчего мы с ним не сталкиваемся, если он такой эффективный?

– Вопрос правильный, но ответ на него тоже есть. Изначально этот препарат выпускался в форме белой таблетки без вкуса и запаха, что делало ее незаменимой для криминальных целей. Именно поэтому еще в конце девяностых производственный цикл полностью изменили, таблетки стали горькими и при размешивании давали яркий голубой цвет. Впоследствии флуниотразепам в принципе перестали применять даже в медицинских целях, так что сегодня этот препарат вообще не встретишь и не купишь. К тому же есть более эффективные вещи, в том числе и для представителей преступного мира. Тот же клофелин. Дешевый, да и черный рынок им наводнен, легче найти.

– Откуда, по-вашему, тогда у убийцы взялся этот флуниотразепам? – спросил Третьяков.

– Понятия не имею. Но добавлю, так как это мне кажется важным, что подмешанный убитому в алкоголь флуниотразепам был именно белый, безвкусный и без запаха.

– Тот, который больше не производят?

– Да, но, к сожалению, несмотря на просрочку, препарат не утратил своих свойств.

– Есть над чем подумать, – пробормотал Третьяков, рассматривая потихоньку оживающих вокруг него двор. Люди с усталыми, опухшими, похмельными лицами тянулись к «Дубравушке».

– Кстати, еще кое-что вам в копилочку. Замок на металлической двери в доме был взломан.

– Seriously? Все-таки был взлом? Внешних следов я не нашел.

– Да, внешних следов не было, а внутренние нашлись. Взломщик работал профессионально, воспользовался отмычкой, так что замки не повредил. Но следы взлома присутствуют.

– Вот это действительно говорит о многом, – сказал Иван.

– Ну, строить теории – это не моя работа, у меня своей хватает. Так как насчет родственника?

– Да-да, конечно. Я что-нибудь придумаю, – с тоской выдохнул Иван. Не совсем еще оформившаяся мысль не давала ему покоя.

12

Он сам предложил отвезти ее в Тверь, никто его за язык не тянул. Не просто предложил – еще и уговаривал черт знает зачем. Алиса отказывалась и говорила, что прекрасно доедет до Твери на «Ласточке», ходившей от Ленинградского вокзала.

– Зачем вам трястись в электричке? – спрашивал Иван. – Я вас заберу, доставлю, помогу там найти нужных людей. В очереди не придется стоять. Seriously, мне все равно нужно поговорить с экспертом.

Ему совершенно не нужно было ни о чем говорить с экспертом, он уже все, что нужно, обсудил, а бумаг тот пока все равно бы не дал – слишком рано. Иван говорил себе, что Морозова накормила его, напоила и спать уложила, так что теперь его черед проявить любезность. Аргумент был так себе.

– Ну, хорошо, – почти зло согласилась Алиса, и Третьяков готов был поклясться, что сделала она это, только чтобы отвязаться. Договорились поехать на следующее утро, второго января – в ночь Алиса ехать категорически отказалась. Перед тем как окончательно обсудить время поездки, она зачем-то уточнила про прогноз погоды на завтра. Обещали холодную и ясную погоду без снегопада. Солнце было скорее редкостью, чем нормой, но погода на этот Новый год выдалась на редкость хорошей, зимней, именно такой, как надо. Вот только праздник не удался.

Иван переночевал в одном из хостелов, проклиная праздники, из-за которых ценник взлетел выше крыши: за одну ночь в комнате с пятью другими людьми Третьяков отдал три тысячи рублей. Жалко, конечно, но хостел был единственным выходом, при котором можно снова отложить принятие решения, разговоры – особенно разговоры – и прочие последствия неверности жены. В хостеле было чисто,людно, шумно. Один из соседей, приехавший в Москву специально в Новый год на поиск приключений, попытался пообщаться с Иваном и даже обиделся на сухую неготовность того выпить по чуть-чуть, но потом отстал. Иван поужинал китайской лапшой в термоупаковке.

Спал Третьяков как убитый. Сосед его больше не донимал. Утром Иван позавтракал в «Макдоналдсе» на Юго-Западной и запарковался у подъезда Алисы Морозовой на десять минут раньше: не хотел опоздать и нарваться на этот ее печальный взгляд. Алиса, к его удивлению, вышла с опозданием и только после звонка на мобильный. Она появилась – высокая, в блестящих темно-коричневых кожаных сапогах почти до колена, в строгом темно-голубом пальто с меховой оторочкой, меховой шапке и в кожаных перчатках чуть более светлого коричневого оттенка. На плече – небольшая кожаная сумочка цвета морской волны. Иван чуть не поперхнулся и тут же принялся стряхивать крошки с переднего сиденья. Определенно, значительная часть папиных денег уходила на гардероб Алисы Морозовой.

– Ну что, готовы? – спросил Иван, открывая перед Алисой переднюю дверцу.

– Можно, я сзади поеду? – спросила она, и Ивану показалось, что голос ее дрожит.

Он пожал плечами:

– Как хотите.

Алиса села прямо за ним, пристегнулась. Иван аж фыркнул от такого «доверия», но ничего говорить не стал.

Выехали в тишине, затем Иван спросил, не будет ли Алиса возражать, если он включит музыку. Она ничего не ответила, тогда он включил приемник и принялся перескакивать с канала на канал. Музыка, новости, котировки, реклама. Иван предпринял еще одну попытку завести разговор.

– Вы только не волнуйтесь, это несложная процедура и ничего такого делать не придется. Нужно будет сдать анализ. Вы не боитесь сдавать кровь?

– Нет, – сухо ответила Алиса, но больше ничего не сказала и желания продолжать разговор не продемонстрировала.

Иван выругался про себя. Теперь придется в полной тишине ехать в Тверь и обратно. Ну, не в тишине, а под всякий радиобред, какая разница.

Так и вышло. Всю дорогу Алиса Морозова просидела, почти не шевелясь и ничего не говоря, глядя в точку перед собой. Ивану было видно ее лицо в наружное зеркало заднего вида. Красивая и серьезная – такая уж странная у нее была красота, – она сидела так, словно ее отключили на время поездки, как робота. В какой-то момент Ивану даже стало не по себе от этой неподвижности, и он спросил, в порядке ли она. Она ответила на его вопрос не сразу, где-то через минуту. Словно ее сознание активировалось после спящего режима.

– Я в порядке, – сказала она. – Сколько нам еще ехать?

– Через полчаса будем.

Доехали за сорок минут. Здание криминалистической лаборатории оказалось красивым, желтым с белым, в четыре этажа и в старокупеческом стиле, как и многие здания в центре Твери. Располагалось оно рядом с набережной, отсюда и ветра, и дополнительный холод. Иван запарковался, и Алиса, не дожидаясь никакой любезности с его стороны, выскочила из машины. Иван закрыл машину и пошел следом. Удостоверение помогло избежать ненужных формальностей.

Илья Константинович Карташов оказался низеньким, худеньким живчиком, с копной курчавых седых волос.

– Дорогой мой, вот и отлично. Сейчас мы все организуем, – заверил он Ивана, пожимая руку Алисе. – Сочувствую, сочувствую, ужасная трагедия. Непостижимо, непостижимо, дорогая моя.

– Спасибо, – ответила Алиса чуть потеплевшим голосом.

– Я вас надолго не задержу, – заверил их Карташов.

– Мне тоже нужно будет с вами поговорить, – добавил Иван, и Карташов кивнул.

– Подождите тогда у нас в лаборатории, ладно? – попросил он. – Вас проводят.

Лаборатория располагалась в подвальном этаже – ни окон, ни дверей, из людей тоже никого, кроме одного лаборанта. Тот выскользнул в соседнюю комнату, а Иван подошел вплотную к стене, увешанной фотографиями с места убийства Морозова. Большая часть фотографий была Ивану отлично известна – он сам сделал такие же, они были у него в телефоне, заняли всю память, пришлось даже часть выкладывать в «облако». Но справа были фотографии следов. Крупные планы, с масштабными линейками и географическими метками. Теперь, когда у Ивана было больше информации, следы на снегу стали его интересовать еще больше, поэтому он быстро, пока лаборант не вернулся, переснял кадры со стены себе на телефон. Так, на всякий пожарный. Не то чтобы он думал, что ему не разрешат, но зачем тревожить людей всякими глупыми вопросами? Особенно когда есть вопросы и поинтереснее.

– Скажите, Илья Константинович, я правильно вас понял: следы взлома были только на дверном замке, но не на калитке? – спросил Иван, когда появился Карташов.

– Да, все верно. Только на двери в дом.

– Как, вы считаете, убийца проник на участок? – Иван демонстративно разглядывал фотографии на стене.

Карташов подошел к нему и тоже принялся рассматривать фотографии.

– Вопрос вы поставили верно. И смотрите вы тоже туда, куда и надо смотреть. Следов много, но толку от них не так чтобы очень. Перед домом все было изрыто, так что там все что угодно могли затоптать.

– Но с задней части двора никто ничего не затапывал, так что можно исключить попадание со стороны задней двери. Убийца мог попасть во двор только с улицы и только через

калитку, – сказал Иван, и брови Карташова потянулись вверх, образуя глубокие морщины и делая его лицо еще больше похожим на «чокнутого профессора».

– А почему вы отбрасываете вероятность того, что он просто перелез через забор?

– Я обошел весь двор, и нигде не был поврежден снежный покров, – пояснил Иван.

Карташов задумчиво кивнул.

– Тогда да. Может быть, калитка была просто открыта?

– Или убийца проскользнул через ворота, пока те открывались.

– Тогда он сильно рисковал быть замеченным.

– Да, рисковал, точно. Если только Морозов его не знал, – возразил Иван.

– Если бы ваш убитый знал убийцу, тому не пришлось бы взламывать дверь. В общем, мой дорогой, получается небольшой замкнутый круг. Нужно что-то еще придумывать. А следы... смотрите, вот тут вывешены те следы, которые не удалось идентифицировать. Мы отсортировали следы пожарных, ваши следы, мой дорогой, хотя, признаюсь, вы были весьма аккуратны и не создали нам проблемы. Мы исключили следы соседей, их несложно отбросить, так как по следам можно было дойти прямо до их домов. И, надо сказать, после этой работы следов у нас почти не осталось. Но мы нашли кое-что интересное, – сказал Карташов самым спокойным и нейтральным тоном, а затем хитро улыбнулся.

Иван покачал головой:

– Ну, что же вы молчали!

– Тянул интригу, – хмыкнул Карташов. – Ладно, посмотрите-ка вот сюда, – он ткнул в одну из фотографий справа. – Это след от мужского ботинка, владельца которого мы так и не смогли установить. Обувь тоже пока не установили, только отправили на экспертизу в Москву. У нас таких специалистов просто нет.

– Где именно вы нашли этот след? – спросил Иван.

– Вот тут мы подходим к самому интересному. Этот след, – Карташов ткнул в фотографию, – найден во дворе, с левого края, около бани. Еще два мы зафиксировали у калитки. Следы ведут к калитке, не от калитки, то есть человек выходил, а не входил.

– И куда он пошел?

– На улице мы нашли еще несколько следов. Он вышел и пошел по улице в сторону выезда из деревни.

– Вы говорите – он. Почему? Из-за размера обуви?

– В общем, да. Сорок третий размер, не такой уж большой, но не у многих женщин встречается. Впрочем, утверждать точно, что это был мужчина, мы не можем. Женщина могла и специально надеть мужские ботинки.

– А потом каким-то образом напасть на тренированного мужика, связать его, задушить и сжечь? Хотя я забываю о снотворном. Вполне возможно, его связывали так, на всякий случай, когда он уже был без сознания, – поправил сам себя Иван. – Ладно, это не так важно. Будем называть его «он». Значит, следы ведут к выезду.

– Да, к выезду, но только до поворота. Там наш владелец следов сел в автомобиль и уехал.

– Серьезно? И что, нашли отпечатки шин?

– Нашли отпечатки шин. Не знаю, сильно ли вам это поможет, но шины зимние, шипованные, марку пока не скажу, мы отправили фотографию слепок на анализ. Ширина 245.

– Большая машина.

– Опять же, ничего не берусь утверждать, – бросил Карташов. – Дорогой мой, самое же важное, что такой же точно след, не шин, я имею в виду, а обуви, мы нашли внутри дома убитого.

– Не может быть! – невольно воскликнул Третьяков. – Там все сгорело же.

– Не все, – покачал головой Карташов. – Мы обнаружили отпечаток обуви, аналогичный следам на улице и во дворе. Не целый, частичный, а если быть точным, отпечаток носка правого

ботинка мы нашли внутри сейфа убитого. Я не уверен, что вы обратили внимание, но на полу в сейфе...

– Была вода, – закончил за него Третьяков. Карташов помолчал, затем кивнул.

– Скорее всего, это вода с подошвы. Снег набился в подошву, а потом растаял. Сами понимаете, выводов я вам не предложу, не моя работа, мой дорогой...

– Он ждал Морозова. Спрятался в сейфе и ждал его там.

– Возможно, вы правы. Хорошая теория, только одна проблема: следов, ведущих в дом, мы не обнаружили. Как я уже сказал, все найденные следы вели от дома, а не к нему.

– Не важно, – замотал головой Третьяков, и та мысль, что смутно не давала ему покоя, вдруг приняла отчетливые очертания. – Я должен идти... Мне нужно кое о чем спросить у нее.

– Вы имеете в виду дочь убитого?

– Да, Илья Константинович. Спасибо вам большое, я побегу.

– Можете не бежать, – сказал Карташов.

– Почему? – опешил Иван.

– А она уехала сразу после того, как мы взяли у нее образец. Я забыл сказать: она просила вам передать, что доберется домой сама.

13

Третьяков вылетел из кабинета Карташова, на ходу набирая Алисин номер. Она долго не отвечала, а затем все-таки приняла звонок, спросила, передал ли Карташов Ивану, что ее не нужно подвозить до Москвы.

– Передал, – сухо подтвердил Иван, не комментируя.

Алиса помялась и добавила виноватым тоном:

– Мне нужно было очень срочно уехать, появилось важное дело. Не хотела вас отвлекать.

– Очень любезно с вашей стороны, – язвительно бросил он, а про себя подумал – врет. Обычно вранье хорошо слышно, особенно для полицейских и следователей, которые по роду работы какой только лжи не наслушались. Алиса Морозова придумывала отмазки, – что ж, почему бы и нет. В конце концов, Третьяков не видел родителей уже, наверное, полгода. Как говорится, то-сё, работа да дела, как обычно. Как у всех. Раз уж он в Твери, может и к ним заехать. Не просто заехать – может остаться переночевать, отлежаться еще одну ночь, отложить решение еще на одни сутки.

– В самом деле, я не хотела вас обидеть.

– Я не ребенок, чтобы обижаться, – отбрил он ее. – Скажите, пожалуйста, Алиса Андреевна, в день убийства вашего отца, вы сказали, что, когда он вернулся, с его ботинок сильно натекло на пол. Так?

– Да, так, – подтвердила она.

– А вы не могли бы вспомнить, это был обычный снег с подошвы или на улице шел снег?

– А зачем вам это? – не удержавшись, спросила Алиса.

Тут уж Третьяков не отказал себе в удовольствии – напомнил, что он вовсе не обязан объяснять ей причину своих вопросов и что в интересах следствия не имеет права разглашать никакие сведения.

– Так что, ответите мне или придумаете еще какую-нибудь причину, чтобы не помогать следствию?

– Вы все не так поняли, – прошелестела она. Ее голос перекрывали звуки вокзала – шум голосов, сигнал поезда, голос из динамика, объявлявший что-то неразборчивое по громкой связи. – Я вовсе не... я не хотела вас задеть. Я пытаюсь вспомнить, честно. Я же говорила, что не выходила из комнаты, когда папа пришел. Вроде бы за окном шел снег. Нет, не помню. Такие вещи я плохо запоминаю, простите.

– Ладно, понятно, – проворчал Третьяков и отключился.

Через пятнадцать минут он уже стоял перед родительской дверью с коробкой конфет «Рафаэлло» – мать их любила до обморока, и с пол-литровой бутылкой четырехлетнего коньяка «Московский» для отца. Конфеты стоили примерно столько же, сколько коньяк, что искренне удивило Третьякова. На его мужской взгляд, коньяк всяко почетнее конфет, но рыночная экономика диктовала другое.

Родители, конечно, обрадовались сюрпризу в виде сына, да еще и с подарками, да еще и с ночевкой, но по натянутым улыбкам и скованным движениям матери Иван понял: женошка уже провела психологическую обработку. Возможно, даже неоднократную ввиду отсутствия самого Ивана в зоне ее радиоактивного влияния. Он не ошибся: не успели они с отцом выпить по стопочке, как мать под села поближе, принялась кормить сына и с самым понимающим выражением лица, вздыхая, затинула песню про то, что в любой семье бывают сложные периоды.

– Мам, не надо, а? Давай не будем, – попытался отбиться Иван, и отец, судя по недовольному виду, был на его стороне.

– У вас же дети, сыночек. Как же они будут, а? Будешь видеть их по выходным? Так у тебя и выходных-то не бывает, только и делаешь, что работаешь. Я все понимаю, но ведь вы же хорошо жили. Всякое бывает.

– Такое – не должно быть, – возразил Иван.

– Я согласна. Думаешь, я за Лену заступаюсь? Да ни за что, я вообще не понимаю, что у нее в голове было, когда она... – Мать так и не смогла заставить себя выговорить соответствующие слова.

– А это не в голове, – вдруг сказал отец.

Мать вспыхнула, покраснела и посмотрела на него укоризненно.

– Ты хоть не лезь, – прокричала она, затем встала и приложила кухонное полотенце к лицу, будто заплакала. Именно этого Иван и боялся. Мать-то он понять мог. Они с его Леной никогда особенно не ладили, чужие люди – и только. Приезжали раз в год, у себя принимали с такой же частотой. Если Иван с Леной разойдутся, внуков вообще не увидишь.

Эта мысль, как зубная боль, сверлила и изматывала и самого Ивана. Именно из-за этой мысли Иван до сих пор не решился даже поговорить с женой. Черт его знает, что делать. Черт его знает, как решать такой вопрос. Уйти? Мать права, станет он воскресным папой – это в лучшем случае. А в худшем Ленка выскочит замуж за этого ее «друга», и его сыновья будут каждый день видеть этого скота, будут разговаривать с ним, он будет возить их в школу и разрешать или запрещать играть на компьютере. От одной этой мысли Ивану хотелось пойти и перерезать «другу» глотку. Остаться? И что, делать вид, что ничего не было? Спать с Ленкой в одной постели? Начать ей тоже изменять, чтобы хоть какая-то была гармония и справедливость? Иван потянулся к бутылке и щедро разлил дешевый коньяк по стопкам.

Отец сдался первым, в последние годы он пьянел все легче, все быстрее, а после мучился с давлением и с желудком. Старел отец. Иван не стал настаивать, сам был не в том настроении, так что полбутылки осталось недопитым. Мать убрала коньяк в кухонный шкафчик, где уже стояла початая бутылка «на березовых бруньках». Уходя к себе, в свою, когда-то детскую, приспособленную матерью для рукоделия, – она вязала и вышивала, – Третьяков обнаружил сообщение от Алисы. Удивился – от нее вообще ничего не ждал.

«Я нашла портал Гидрометцентра, где есть вся статистика по погоде. Решила вам выслать, вдруг пригодится. Там можно посмотреть фактическую погоду по часам, включая не только снег, но и видимость, и ветер. По поводу тридцатого декабря: в Москве снег пошел только к обеду, после 13. Точнее данных нет. Утром осадков не было, так что у отца, видимо, просто с ботинок натекло. Но я подумала, что вас, скорее, интересует погода в Благинине, а не в Москве. К сожалению, там нет разделения по районам, только города и области. Но в данном конкретном случае это не так важно, так как по Тверской области в целом указан сильный снегопад с шести утра и до девяти. После девяти по всей Тверской области – нулевое значение по осадкам до самого вечера, когда вы и сами уже были там. Ниже прилагаю ссылки, надеюсь, это вам поможет».

Вот же чокнутая девица, подумал Иван. Черт поймет, чего у нее там в голове, но информацию она ему переслала именно ту, что он искал. Ниже в ее сообщении имелись ссылки, которые Иван внимательно просмотрел, а затем достал из шкафа одну из своих старых тетрадок, вырвал чистый лист и принялся чертить схему.

Морозов приехал на дачу около трех часов дня, что подтверждается показаниями его дочери и информацией из разговора Ивана с самим Морозовым. Где в этот момент был убийца? Известно, что после пожара он вышел из дома через парадную калитку и ушел к своей машине. Иван открыл карту деревни в телефоне и внимательно осмотрел дороги, перерисовал схему, отметил крестиками дом Морозова и место, где нашлись следы от шипованных шин двести сорок пятой ширины. Получается, что если идти к машине по улице, то это около километра. А если идти к машине через лесок, то крюк срезался почти вдвое. Калитку в дом с той стороны

никогда не закрывали, и это было известно многим. Можно было просто выйти из леса, подергать, увидеть, что калитка открыта, и зайти. Случайно. Случайный выбор жертвы, возможен ли он в этом конкретном случае?

Единственный возможный вариант, при котором убийца зашел через заднюю калитку, но не оставил следов, это если убийца сделал это до или во время утреннего снегопада. Получается, что убийца проник в дом до приезда Морозова, не позже девяти часов утра. Скорее, даже раньше, так как снегопаду, даже сильному, нужно время, чтобы замести следы. Значит, приблизительно к восьми утра убийца должен был уже быть в доме. В неотапливаемом, ледяном доме, на минуточку. В девять часов снегопад закончился, но ни одного следа нужного ботинка сорок третьего размера нигде больше обнаружено не было. Получается, убийца больше из дома не выходил. Просидел там... Иван посмотрел на часы, прикидывая... с восьми утра до трех дня, семь часов подряд. Если бы он хотел что-то украсть, у него было миллион возможностей сделать это. Нет, случайной жертвой тут даже не пахнет. Убийца знал, куда шел, знал, чего хотел, был подготовлен, профессионален и терпелив, ждал в ледяном доме, прятался в сейфе, пока хозяин не придет. Затем каким-то образом нашел способ подмешать снотворное в алкоголь и остаться при этом незамеченным. Дождался, пока Морозов уснет, привязал его к массажному креслу, спящего удушил пакетом, а затем еще и сжег для уничтожения улик. И ушел. Просто вышел и ушел по улице. Почему не лесом? Да потому, что убийца прекрасно понимал: в суете пожарища весь двор перед домом будет перепахан машинами. Пока доберутся до тщательного анализа следов, он уже успеет уехать на другой конец света.

Что нам это все дает? Во-первых, убийца – хладнокровный, расчетливый и терпеливый. Во-вторых, способный на риск. Подливать снотворное человеку, находясь у него в доме, – для этого нужно дьявольское самообладание. Если только не... Иван подскочил и забегал по комнате. Что, если снотворное уже было в бутылке, когда Морозов вез ее на дачу? Тогда, получается, влить его туда мог кто-то с работы или... Алиса прямо перед его отъездом. Иван остановился и посмотрел на схему. Если это она, тогда у нее должен быть соучастник. Она подмешала препарат, черт знает каким образом оказавшийся в ее руках, затем она должна была дать знать человеку, уже сидящему в доме в Благинине, что бутылка «заряжена». Нужно проверить телефонные звонки Алисы Морозовой. И вообще, нужно ее проверить по-настоящему. Но главное не это.

Иван вышел из комнаты, тихонько, чтобы не побеспокоить родителей, прошел на кухню, открыл там шкафчик и посмотрел на две початые бутылки. Затем решительно кивнул и унес с собой на лестничную клетку стакан и бутылку водки. С наслаждением закурил, так как при родителях старался сдерживаться, а никотиновый голод уже всюду давал о себе знать. Затем Иван налил водку, выпил и громко выдохнул. Затянулся еще.

Мотив. Главное в таком деле – это мотив. Кому выгодно, чтобы Морозов умер? Вопрос не такой простой, как кажется. Это могла быть месть одного из многочисленных отправленных Морозовым на нары деятелей разного криминального калибра. Это могло быть что-то, связанное с принадлежащими ему компаниями. Или... самый рациональный из мотивов. Наследство.

14

Следующим утром на летучке непосредственный руководитель Третьякова, подполковник Николай Степанович Мануйлов, встал из-за стола, подошел к окну и долго смотрел на то, как дворники отбрасывают грязный снег за бордюры. Иван понимал, в чем дело. Мануйлов не особенно хорошо знал Морозова, лично они почти не пересекались, так как Мануйлова поставили на отдел только год назад. Встречались, конечно, на общих совещаниях по управлению, но не более. У Мануйлова тоже была дочь школьного возраста, фотографии которой заполняли чуть ли не половину рабочего стола в кабинете Николая Степановича. Что показательно, фотографий жены там почти не было, хотя с женой у Мануйлова отношения были вполне нормальные.

– Это только рабочая версия, ничего больше, – пробормотал Третьяков, сидя за длинным столом в переговорной начальника.

Толик Бахтин, присутствующий на той же летучке по своим вопросам, неодобрительно покачал головой, и Третьяков принялся копаться в бумагах. Мануйлов наконец повернулся и посмотрел на Ивана сухо и даже враждебно.

– Нужно все проверить. Ты говоришь, она должна была иметь сообщника. Нужно выяснить все очень тихо, аккуратно. Поговори с друзьями семьи, с соседями по дому, с ее однокурсниками – это в крайнем случае. Если ты прав, то ее ни в коем случае нельзя спугнуть, пока у нас нет твердых доказательств. Если же это не она... – Мануйлов замолчал, словно завис, глядя на бутылку с водой у себя на столе. – Если мы ошибаемся, лучше, чтобы дочь Морозова об этом никогда не узнала.

– Я запросил данные о телефонных переговорах, но Морозова умна и хорошо образованна, учится в МГУ, на факультете вычислительной математики и... да, кибернетики. Она прекрасно понимает, как работают современные технологии, так что не думаю, что мы найдем что-то стоящее.

– Она могла использовать Телеграм, – вставил Бахтин.

Иван кивнул.

– Могла. И бог знает что еще могла использовать. Но никто не может совершить такое, не наследив.

– Может, прослушку поставить? Наблюдение? – предложил Третьяков, но Мануйлов покачал головой.

– Рано. Надо хоть что-то накопать. Хотя бы, к примеру, препарат – найдите ее связь с препаратом, тогда и о прослушке поговорим.

– А вообще, выбор препарата странный. – Третьяков склонился над отчетом эксперта. – Флунитразепам просто так на каждом углу не купишь. Если вы – обычная студентка и вам нужно купить сильнодействующее снотворное, вы имеете куда более разумные варианты, чем флунитразепам.

– И как вы это себе объясняете? – заинтересовался Мануйлов.

– Пока не знаю. Может, препарат каким-то образом уже имелся у убийцы. Или, может, появилась случайная возможность.

– Значит, нужно отрабатывать потенциальные каналы получения флунитразепама, – согласился довольный начальник. – Толя, займись.

– Затем соучастник, – продолжил Третьяков. – Я запросил данные по обеим компаниям, где Морозов являлся учредителем. Его дочь упоминала управляющего, так я подумал, что фигура управляющего идеально вписывается в мою версию. Дочь имеет доступ к информации и право на наследство. Управляющий имеет достаточные права, чтобы оперировать финансовыми активами. Нужно удостовериться, что в компаниях, принадлежавших Морозову, не

совершалось никаких махинаций. Если мы их найдем, то выйдем на соучастника. Я возлагаю определенные надежды на расшифровку содержимого ноутбука.

– Может, есть смысл провести в доме Морозовых обыск? – предложил Бахтин.

– Вам чуть что – сразу обыск подавай, – скривился Мануйлов.

– Я согласен с Николаем Степановичем, – кивнул Третьяков. – Морозова добровольно предоставила мне доступ к комнате отца, передала ноутбук. Она не боится обыска, а это значит, что мы, вероятнее всего, ничего не найдем. Ее же спугнем, и любые другие возможные оперативные действия уже окажутся невозможными. Она обложится адвокатами и уничтожит любые потенциальные следы. Предлагаю подождать и опросить аккуратненько всех, кто может ее знать.

– Звучит как план, – кивнул Мануйлов. – Но продолжай отрабатывать и другие версии, Третьяков.

Уже на выходе Мануйлов остановил Ивана и спросил, что у того происходит. Иван сделал вид, что не понимает, о чем речь, но начальник только фыркнул и велел перестать дурить и разобраться уже с женой. Иван подумал, что «разобраться» в определенном контексте означает как раз то, что сделали, предположительно, Алиса Андреевна Морозова и ее опять же предполагаемый соучастник. Разобраться с женой – это как раз то, чего ему очень хотелось в тот день, когда погиб Морозов. Теперь же его вроде отпустило и сделалось до странности все равно. Нет, ему не перестало быть противно и мерзко, словно он плавал в бассейне с окурками, но все это отошло на второй план.

На переднем плане стояла стройная фигура высокой девушки в голубом пальто с меховой оторочкой. Умное, красивое, гипнотически-печальное лицо. Иван мог только представить, как сильно любил единственную дочь подполковник Морозов. Отличница, умница, папина гордость, папина радость. Иван представил, как Морозов приходит с работы, приносит бутылку виски, подаренную коллегами, засыпает в своей маленькой, больше похожей на келью комнате. И его спокойная, уравновешенная дочь в какой-нибудь шелковой пижаме стоимостью в пятьсот баксов идет в гостиную, достает бутылку, зная, что отец заберет ее с собой завтра прямо с утра – потому что он всегда так делает с любым крепким алкоголем. Алиса Морозова открывает крышку, добавляет в виски флунитразепам – самую коварную его версию, без запаха, без вкуса, – закручивает крышку и ставит бутылку назад. Она хорошо знает отца, понимает, что проверять, почему бутылка открыта, он не будет и выпьет виски сразу, как только приедет на дачу. Андрей Петрович – человек устоявшихся привычек. Конечно, был риск, что он может и не выпить сразу. Но его убийца уже ждал его в доме, убийца спокойный, хладнокровный, терпеливый. Если бы Андрей Петрович не уснул, задача убийцы осложнилась бы, но он выпил и уснул. И теперь все, что нужно сделать его дочери, – это дожидаться передачи ей наследства. Подождать еще чуть-чуть после того, как она ждала так долго. Аж двадцать лет ее сытой жизни, полной отцовской любви.

15

Ресторан «Старый лес» открывался только в двенадцать, к тому же третье января для ресторана – первый рабочий день после Нового года, так что Ивану пришлось стучать в дверь кулаком, чтобы сотрудники, которые уже были на месте в одиннадцать, открыли ему дверь. Лица заспанные, мятые, злые. За улыбкой – это в «Макдоналдс». Ресторан, один из пяти в сети, был самым близким к управлению, поэтому с него Иван и начал опрос. Оформлен ресторан был в стиле русских сказок. Стены обшиты блок-хаусом, в углу большого зала – огромная печь с ярким и самым настоящим огнем, под ногами – темные каменные полы. Проходя между рядами столов из грубого дерева, крупно нарубленных дров, сложенных высотой в стену, и подвешенных над барной стойкой сковородок, Иван задумался о том, принимал ли сам Морозов участие в выборе именно этого, столь любимого им стиля. Андрей Петрович был помешан на экологичности бревна, на красоте леса, так что Иван бы рискнул поставить на то, что слово Морозова тут было решающим.

– Да, он лично одобрял эскизы, – подтвердила старший менеджер ресторана, бледная дама лет сорока, похожая на завуча школы. Судя по тому, как она дергалась и потела, ей было что скрывать от полиции, но вряд ли ее тайны имели отношение к убийству Морозова. Скорее, какие-нибудь левые кассы и алкоголь из-под полы. За десять лет работы Иван убедился, что почти никто не чувствует себя спокойно в его присутствии, и совершенно не важно, сколько раз он повторит, что хочет только поговорить, задать кое-какие вопросы и установить кое-какие факты. Люди чувствуют себя виновными, особенно люди бизнеса. Им всегда есть чего бояться.

– Я думал, Андрей Петрович лично бизнесом не занимался, – забросил удочку Иван, но дама не клюнула.

– Ну, это же не бизнес, это просто дизайн. И потом, чтобы провести ремонт, Андрей Петрович выделял свои деньги. Когда было решено провести капитальный ремонт помещения, он прицепился к дизайнеру как банный лист. Правда, на мой взгляд, он был прав, потому что изначально дизайнер хотел сделать тут какой-то арт-хаус: фиолетовые стены, инкрустированные спиралями из битого стекла – типа мозаика, только из осколков. Смотрелось, признаться, не очень. Ну, молодежи, может, и ничего. Если бы ночной клуб или стриптиз-бар, а у нас народ тут стандартный. Обедают те, кто работает поблизости, ужинают все подряд, выпивают, музыку живую любят, банкеты, юбилеи. Нам-то зачем битое стекло? В общем, тогда Андрей Петрович надавил, и не зря, я считаю. А так – нет, в сами дела он не лез, он просто у нас тут часто обедал, мог друзей прислать, позвонить, чтобы мы устроили все в лучшем виде. Мы всегда все делали так, чтобы он оставался доволен.

– А давно это было? – уточнил Иван. – Ремонт, я имею в виду.

– Да... лет пять назад, наверное. Я тут работаю давно, так что помню еще старый дизайн. У нас был так называемый стандартный евроремонт, знаете, который в девяностые был очень модным. Венецианская штукатурка на стенах, столы со скатертями, мы извелись отстирывать. Стулья с гнутыми спинками, свечи везде. В общем, дорого-богато. А потом мода на эту «роскошь» прошла, и мы тоже решили подстроиться под требования времени. Но фиолетовые стены...

– А дочь его тут появлялась? – перебил ее Иван, которого дизайн вообще не особенно интересовал. – Может быть, тоже обедала, подруг приводила? Или друга?

– Дочь... нет, вроде нет, – покачала головой менеджер. – Я не припомню.

– Совсем не припомните? Она живет тут недалеко, всего пара станций на метро. Странно, если она никогда тут не ела.

– Я ее видела, может, пару раз от силы, еще до ремонта. Она тогда в школе училась. Тихая такая, аккуратная девочка, очень воспитанная. Но потом, когда она уже в институт пошла, больше не приезжала. Точно.

– А в каких отношениях она была с отцом? – спросил Иван, но дама только пожала плечами.

К большому сожалению Третьякова, про дочь Морозов тут ни с кем не говорил, в ресторан ее не привозил, а душевных разговоров с сотрудниками не вел и подавно. Зато друзей Морозова в ресторане перебивало множество, и дама даже смогла вспомнить несколько имен – в основном все это были люди из их управления, иногда его коллега-управляющий из «Форсаж Логистикс», кажется, Богдан. Иногда он обедал тут с Морозовым, но, случалось, приходил и сам, встречался с кем-то – деловые переговоры. Прозвучало еще несколько имен – в целом ничего нового, ничего необычного.

В других ресторанах удалось узнать и того меньше, Морозов туда лично почти никогда не приезжал и с управляющими там лично не общался. В общем, ничего полезного.

Иван проверил размеры обуви у сотрудников – мужчин с сорок третьим размером было довольно много, но у ресторанного начальства сорок третьего размера не оказалось, а у официантов и поваров не было внедорожников. Вообще, большие машины имелись всего у шести сотрудников на все пять ресторанов, но и тут все мимо – тридцатого декабря все рестораны были загружены по полной программе, и весь менеджмент буквально ночевал на работе. Иными словами, у каждого владельца внедорожника или кроссовера нашлось алиби.

На всякий случай Третьяков сохранил все данные, а дополнительно запросил учредительные документы и финансовую отчетность, чем только усилил потение и бледность управляющих и менеджеров. Положа руку на сердце, Иван не планировал нырять в этот омут цифр слишком глубоко, ему становилось тошно при одной мысли о том, какое количество информации нужно обработать. И зачем? В пустой надежде найти что-нибудь подозрительное? А ведь еще есть и «Форсаж Логистикс», куда он пока даже не попал.

Офис фирмы «Форсаж Логистикс» ожидаемо был закрыт, телефоны их тоже не отвечали, а когда удалось раздобыть мобильный номер директора фирмы, некоего Шестобитова Богдана Витальевича, абонент тоже оказался недоступен. Каким бы подозрительным ни выглядел для Третьякова этот сигнальчик – не стоило слишком-то раскатывать губу. Третьего января в России не работает практически никто, особенно торговые и посреднические компании. Многие из них вообще будут закрыты вплоть до десятого, справедливо полагая, что никому в голову не придет заказывать партию труб диаметром тридцать миллиметров на четвертое января. Страна гуляет.

Сидя в кафе неподалеку от метро «Шаболовская», Иван поставил телефон на бесшумный режим и принялся просматривать на своем ноутбуке все, что смог найти о «Форсаж Логистикс». Данные из Интернета, а также информация из закрытых баз данных их ведомства – таблицу из базы Третьякову на почту сбросил Бахтин, как и обещал. Информации было немного, и она оказалась вполне ожидаемой, почти без сюрпризов. Официальные справочники выдавали адрес фирмы, ее ИНН, регистрационную информацию, содержащую сведения о Морозове А. П. как учредителе и Шестобитове Б. В. как генеральном директоре. Род деятельности – тут все чуть сложнее. В графе «ОКВЭД» – код экономической деятельности предприятия – шло перечисление всех возможных номеров-идентификаторов: от тридцать третьего ОКВЭД, «Ремонт и монтаж оборудования», до ОКВЭД деятельности домашних хозяйств. Скорее всего, когда компания «Форсаж Логистикс» регистрировалась в первый раз – еще в далеком девяносто шестом году, в его учредительные документы были добавлены – по лекалу – все возможные виды деятельности, просто на всякий случай, чтобы потом ничего не нужно было исправлять и менять.

В разные годы фирма «Форсаж Логистикс» показывала самые разные обороты – от нулевых до вполне себе впечатляющих, измеряющихся семи-, а то и девятизначными числами. За годы существования компания претерпела несколько значительных преобразований – слияний и перепродаж, пока не оказалась в собственности у Морозова в две тысячи десятом году. Почему тот решил приобрести компанию, а не организовать свою, выяснить не удалось. С этого времени фирма сконцентрировала деятельность вокруг строительства, посредничества и поставок строительных материалов. Отчетность сдавалась вовремя, обороты были весьма значительными. Из закрытой базы налоговой инспекции удалось выяснить, что трижды за время существования «Форсаж Логистикс» проходил аудиторскую проверку, в последний раз – в две тысячи четырнадцатом, уже при Морозове. На предприятие было наложено два мелких штрафа за непредоставление документов, в остальном проверка никаких значительных нарушений не выявила. Зато запрос данных по генеральному директору компании Шестобитову Богдану Витальевичу принес неожиданно многообещающие результаты. Господин Шестобитов Богдан Витальевич, бессменно возглавлявший «Форсаж Логистикс» практически с момента приобретения оного Морозовым, имел в личном деле судимость.

Третьяков оживился, сделал шрифт на экране ноутбука крупнее, вчитался, чувствуя, как адреналин поджигает кровь. Гончая берет след, ату его, ату! Шестобитов Богдан Витальевич, одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения, место рождения – город Ростов. Образование – высшее, но институт неизвестный, какая-то шарага. Возможно, вообще никогда там и не учился, а диплом купил в переходе в девяностые. В скане имелась фотография из дела, почему-то только анфас. Круглое лицо, наглый взгляд – самоуверенный типчик, эдакий председатель жилтоварищества. Некрасив, невысок. Может быть у такого что-то общее с Алисой Морозовой? Вся сыскная чуйка подсказывала Ивану, что дружеский контакт этого хмыря с Алисой крайне маловероятен. Какой-либо другой контакт категорически исключен. Осужден господин Шестобитов был в две тысячи втором году за мошенничество и незаконный оборот денежных средств. Обнальщик, значит. Как раз то, что нужно. Деньги любит больше, чем свободу. Иван просмотрел материалы и разочарованно выдохнул. Нет, не Морозов и даже не их управление занималось делом Шестобитова. Центральный округ, УБЭП. Ладно, проехали.

К две тысячи седьмому году Шестобитов отбыл наказание – по приговору суда семь лет, на деле отсидел четыре с половиной года и был выпущен, как говорится, по поведению. А раз отпустили, значит, смог выстроить хорошие отношения на зоне. Либо с сокамерниками, либо с начальством. Либо – и с теми, и с другими. В любом случае, четыре с половиной года в исправительном учреждении общего режима меняют человека до неузнаваемости, все его нутро выворачивают, а затем переупаковывают заново – в совершенно другую личность. Эта новая личность вышла на свободу в две тысячи седьмом году, а в две тысячи десятом была нанята Морозовым для управления крупным многопрофильным предприятием с серьезными оборотами. Странно, очень странно. Не сходится, что-то тут не так. За столько лет Морозов просто не мог не узнать о темном прошлом своего гендира. Наверняка пробивал по базам, прежде чем нанимать, Морозов на слово никому никогда не верил, как и никто из них. Уж что-что, а веру в людей все сотрудники полиции теряли еще на первом году службы. Значит, получается, знал – и все равно взял, и много лет проработал с ним, и доверял, и не имел никаких проблем?

Да, не имел – пока кто-то не подкараулил его на любимой даче, чтобы задушить и сжечь.

– Вам что-то еще принести? – сухо, даже враждебно спросил появившийся из ниоткуда официант, звякнув пустой чашкой. Иван вздрогнул – так далеко он был сейчас от этого кафе и этого парня в фартуке, явно желавшего, чтобы Иван убрался восвояси или заказал что-то еще.

– Принесите меню, – сжалился над ним Иван.

Официант кивнул чуть милостивей и указал пальцем на мобильный телефон Третьякова.

– Вам, кажется, звонят.

– Спасибо, – кивнул Иван, тоже заметив, что на разбитом экране его телефона плавают имя Алисы Морозовой. Кровь бросилась к лицу, но он медленно выдохнул и нажал на значок приема.

– Алло, Третьяков у телефона, – сказал он. После долгой паузы голос Алисы Морозовой показался ему до неузнаваемости чужим, словно кто-то другой, хриплый и после простуды, пытался выдать себя за нее.

– Зачем вы это сделали? – спросила она. – Зачем вам это? Деньги, да? Это мерзко и низко, и это неправда – все неправда, и вы за это ответите, слышите? Вы ответите за это, я вам обещаю. Вам это так просто с рук не сойдет!

16

Из достоверных источников – так было сказано в статье, причем многократно. Иван Третьяков, конечно, этим «достоверным источником» не являлся. Более того, как только на экране его ноутбука возникла статья, из-за которой голос Алисы Морозовой изменился столь драматичным образом, Иван сразу догадался, кто мог стать этим «источником». И тут же захотел пойти и убить «источник» к чертовой бабушке. Вот прям достать пушку и всадить всю обойму в пустую голову «источника», чтоб больше ничего и никогда не сливал «достоверно» журналистам, не задумываясь о последствиях. И – да, конечно, деньги. Скорее всего, большие. Скорее всего, наличные, и ничего не докажешь.

– Какого черта! – криком кричал Иван, явно вызывая недовольство посетителей кафе, но ему было плевать. На другом конце, у телефона сидел и молчал капитан Ком. – Вы понимаете, что будете за это отвечать?

– С чего вы взяли, что это я? – спросил он наконец.

Иван отодвинул от лица телефон, словно он был ядовитым. Затем выдохнул и продолжил:

– Не так уж широк выбор «достоверных источников», понимаете? – язвительно бросил он. – И потом, инсинуации, которыми буквально наспигована статья, – это продукт работы мозга любителя дешевых детективов. Такого, к примеру, как ваш Сережа. Фантазия богатая, но чувства меры никакого. «Расплата за беспредел?» Серьезно? Вы же понимаете, что теперь полетят головы? Ваша – в первую очередь.

Капитан страдал и потел так, что заливал трубку. Он понимал, что, вероятнее всего, этот разъяренный майор из Москвы прав. Доступ к информации был у ограниченного количества лиц, и скрыть такое не удастся, но и сделать капитан Ком уже ничего не мог. Разве что попытаться защитить конкретно свою голову – показательно уволить Чертока из «рядов», написать рапорт, назначить служебное расследование, дать опровержение, в конце концов.

– Опровержение? – расхохотался Иван, смех был нервным, даже истеричным. – И что же именно вы хотите опровергать? Что подполковник Морозов был убит? Что его опоили снотворным, что его задушили и сожгли в собственном доме? Или то, что у него в собственности был бизнес, который он, возможно, приобрел путем рейдерского захвата? Заметьте, возможно! Ничего же не утверждается конкретно, понимаете? Сколько денег получил ваш Черток?

– Я понятия не имею, что он там получил, но разберусь! Нужно немедленно изъять статью.

– Изъять? – скривился Иван. – На каком основании? Вы хоть понимаете, где статью опубликовали? Это крупнейшая медиаплощадка Интернета. Интернета! Это, мой друг, такая штука, из которой крайне затруднительно что-либо изъять. Эдакая многоголовая гидра, которой вы хотите отпилить голову деревянной линейкой.

– Я понимаю ваши чувства, – прошелестел Ком.

– Понимаете? Тогда, можно, я ваш номер дам дочери Морозова, а то она мне тут звонила и угрожала судом. Нет, не так. Она мне просто сообщила, что считает статью клеветой, порочащей память ее отца, и что я за все отвечаю.

– Она что, решила, что это вы... слили инфу? – удивился Ком. Удивился, а затем запоздало пожалел, что не вышел сам с этой версией. Черт, а ведь мог бы. Лучшая защита – это нападение, но теперь капитану Кому оставалось только отбиваться.

– Да, она решила, что я, так называемый друг ее отца, продал журналистом эту похабщину. И что под мою диктовку журналисты назвали ее отца рейдером в погонах, который, «по некоторым данным», – Иван чуть не плюнул на пол, так ему было все это мерзко и противно, – «по некоторым», сука, «данным», разорял людей и захватывал частный бизнес еще с начала девяностых. Фирмы, рестораны? Это вообще с чего ваш Сережа решил?

– Я не знаю, – выдохнул капитан. – Я даже не могу утверждать с уверенностью, что это именно он. Мы проводим проверку.

– А вы в курсе, что убийство Морозова, опять же, «возможно, предположительно» – это реакция общества на узаконенный беспредел «бандитов в погонах», о которых мы так много слышим в последнее время! – Иван склонился и зачитал текст с экрана: «Узаконенный беспредел насильников, воров и коррупционеров, пьяных стрелков в супермаркетах и убийц за рулем, о которых мы постоянно слышим благодаря качественно новому уровню работы журналистов». И еще, – Иван перелистнул статью вниз, – «Такая реакция только показывает, что чаша терпения переполнилась».

– Мы приняли меры.

– Меры? Интересно, какие меры вы приняли? Мы говорим об утечке квалифицированной информации.

– Я с вами совершенно согласен, – эхом отозвался Ком. – Вопрос в том, что теперь делать.

– Что делать? Ну, писать заявления по собственному желанию. И копить деньги на адвоката. А пока – предоставьте мне данные о том, кто имел доступ к базам данных и отчетам в системе, кто общался с экспертами в лаборатории. Полный список всех лиц, включая дворников и уборщиц. Ваших – и лаборатории. И отдельно – все действия вашего Чертока, поминутно, за последние сутки. Все это – чтобы к завтрашнему утру было у меня на столе.

Иван отбросил липкий и горячий телефон на стол и рухнул на диванчик. Официант, видя такое дело, больше к Ивану не подходил, понимая без слов, что никакого заказа не будет. Иван еще раз перечитал текст на экране. Статья была написана хорошо, качественно. Профессионализм журналиста только ухудшал ситуацию. Статью уже перепечатали в РБК, на «Ленте» и в социальных сетях типа «Пикабу», где новости распространяются еще быстрее.

Еще бы, такие истории – это же самое вкусное для журналистов. Черная ночь, высокопоставленный сотрудник полиции, «явно заслуживший свою смерть темными делами». Организованная преступность, прикрытая законом. Спланированное, подготовленное убийство, акт мести. Но все написанное – с пометками «Вероятно. Предположительно». Иван вчитывался в детали, тщательно выписывая все, что совпадало с фактическим материалом. Убитый был связан кабельной стяжкой и задушен пакетом. Следы протектора шипованных шин на выезде из деревни. В крови обнаружен флунитразепам. То, что версия препарата старая, вышедшая из производства, журналист не указал. Не знал? Не посчитал важным? Умолчал сознательно? Зато подробно описал весь бизнес Морозова, его официальные доходы за последние несколько лет, его должности и звания – за всю его карьеру. Как быстро они работают и какой хороший доступ к информации, которая не должна быть открыта! Подробное описание машины, дачи, даже с фотографией с места преступления, мать его.

Однако ни слова про дочь или про роскошную квартиру в доме на Мичуринском проспекте. Почему? Морозов был прописан на адресе, с дочерью у него одинаковые фамилии. Отчего же ее имя не извалили в грязи? Случайно упустили?

Третьяков встал, закрыл ноутбук, убрал в сумку, бросил на стол несколько купюр – пусть этот официант помянет его добрым словом. Вышел на улицу и только тут понял, что уже стемнело. День прошел. В машине было холодно и воняло «бычками», но Иван этого почти не заметил. Он завел двигатель и поставил на навигатор заранее сохраненную для удобства точку. Дом.

– Через триста метров развернитесь, – сказала ему спокойная механическая женщина. Иван на автопилоте следовал ее инструкциям.

А что, если сама Алиса Морозова организовала слив журналистам? Могла ли? Если она связана с убийством, то ей известны все подробности. Значит – могла. Но зачем бы ей это? Деньги? Вряд ли, у нее с деньгами и так нет проблем. Вскорости вообще унаследует все то самое «нажитое преступно». В таком случае к чему ей привлекать внимание к делу ее отца?

Кто же будет создавать проблемы самому себе? Только если отсутствие шума в массмедиа каким-то образом может угрожать ее интересам. Каким интересам, Иван не знал, но пришел к выводу, что исключать участие самой Алисы Морозовой нельзя.

Доехав, он долго искал место, чтобы воткнуть свой «Форд»: самая большая беда новостроек, полный швах с парковочными местами. В итоге оставил вторым рядом, положил на лобовуху бумажку с телефонным номером и пошел домой. Вошел в квартиру, открыв дверь ключом так тихо, как только смог. Жена была на кухне, разговаривала по телефону с подругой. Иван прошмыгнул в детскую, где буквально прилип к сыновьям. Те страшно обрадовались, Федор принялся рассказывать отцу о Новом годе, о подарках, а Ярослав просто скакал на ковре, хохотал и показывал Ивану язык. Иван смеялся и показывал язык в ответ. Так жена и застала их, валяющихся на полу, на ковре, в куче разбросанных игрушек – машинок и деталей от конструктора – и хохочущих. Лена стояла и смотрела на внезапно материализовавшегося мужа так, словно он был привидением. На ней был тот самый ярко-голубой халат с рыбами, и Третьяков с трудом подавил желание сорвать его и выбросить в окно. Можно даже вместе с нею.

– Надолго ли явился, блудный отец? – спросила она наконец. Иван нахмурился, сыновья тоже притихли, чувствуя: что-то между родителями не так. Что-то неправильное в том, как мама и папа смотрят друг на друга.

– Не решил еще, – ответил Иван сухо.

– Тебя не учили отвечать на звонки? – продолжила Лена, и Иван холодно улыбнулся.

– Серьезно? Ты в этом видишь проблему?

– Не начинай, пожалуйста, тут дети, – сказала она еще строже.

– Действительно, не хватало еще устроить при них сцену, – округлил глаза Иван в приторном ужасе. – Мы же не хотим травмировать их, да? Кстати, я могу в комнату-то нашу зайти? Никого я там не встречу? Никакого Деда Мороза? Как в прошлый раз...

– Зачем ты приехал? Чтобы меня оскорблять? – сощурилась жена.

Иван посмотрел на смирно сидящих на ковре сыновей. Ярослав катал по полу машинку, а Федор внимательно смотрел на них с женой. Зачем он приехал? Если бы он знал. Иван отвернулся, наклонился и протянул Ярославу другую машинку. Тот кивнул и принялся катать обе двумя руками.

– Федька, ты в садике-то себя хорошо ведешь?

– Не-а, – честно признался сын. – Я Мишку стукнул. Но он первый начал.

– Ну, тогда это ты его за дело, получается, – кивнул Иван.

– Ну, хочешь, ты мне измени! – бросила ему Лена. Иван вздрогнул и поморщился, но она продолжила: – Слушай, ну все живут же, со всеми случается. Это же просто так, от стресса. Мне же тоже знаешь как тяжело бывает... в эмоциональном плане. Дом, дети, дом, дети. Моя жизнь – это какой-то кухонный комбайн. И вообще, я уверена, что ты тоже не без греха.

Иван ободряюще улыбнулся сыну и медленно поднялся с пола. Подошел к двери, где стояла Лена, попытался пройти мимо нее – она не дала, уперлась руками в дверной косяк, загородила проход. Иван попытался поднырнуть под ее руки, но она присела, перекрыла проем ниже.

– Скажи мне хоть что-нибудь! – потребовала она. – Ты же не можешь просто молчать, это, в конце концов, не по-людски. Ну, хочешь, ударь меня. Ты этого хочешь? Ну чего ты из себя Иисуса-то изображаешь? Можно подумать, ты святой!

Иван сжал зубы так, что свело челюсть, выпрямился и посмотрел вплотную, с расстояния в пару сантиметров в серо-голубые с темной каемочкой глаза жены. В них плескался страх. Иван положил ладони на ее запястья, надавил. Лена сопротивлялась, не опускала руки, не выпускала Ивана из детской. Он надавил еще сильнее, руки оторвались от дверного косяка, медленно, с сопротивлением пошли вниз. Жена вскрикнула и попыталась втолкнуть Ивана обратно в детскую, но он отпустил ее запястья и прорвался в коридор. В два шага дошел до

ванной, заскочил туда, словно убегал от маньяка, захлопнул дверь, закрыл замок. Лена дергала за ручку и что-то кричала. Иван включил воду и склонился над раковиной, упираясь в ее края обеими руками. Так он и стоял, слушая сдавленные крики жены и шум воды. Медитация. Затем скинул с себя все и залез в ванну. Вода была нестерпимо горячей, и это было хорошо. В ванной Иван Третьяков и заснул.

17

Журналистка была похожа на француженку – худая, в черной водолазке и черных же узких брюках, каре с густой длинной челкой а-ля Мирей Матье. Симпатичная, молодая, бесовская – никакого страха. Самоуверенная девица из новейшего поколения журналистов, впитавших в себя все идеалы свободы прессы – свободы в форме безответственности. Чтобы выяснить, кому именно принадлежит авторство на шедевр журналистского творчества под названием «Расплата за беспредел?», пришлось применить, так сказать, нестандартное аргументирование по отношению к ее руководству, но к вечеру пятого января у Ивана были развязаны руки.

Скандал в прессе дал свои результаты, дело тут же «взяли на карандаш» в Следственном комитете, «на контроль» в прокуратуре Москвы и «под особое внимание» в Министерстве юстиции – как будто до этого оно валялось без присмотра и никого не интересовало. Выразилось это прежде всего в том, что капитана Кома и его группу от следствия отстранили и поставили под служебное расследование. А также в том, что самые разные люди в самых разных званиях начали появляться, звонить или вызывать на ковер и задавать вопросы, высказывать версии, негодовать и требовать результатов. Уже к полудню Иван Третьяков сидел на совещании в Следственном комитете между людьми, звания которых начинались от подполковничьих. Третьякову, как говорится, пришлось отвечать «за всех и вся». Однако, вместо того чтобы отстранить Ивана от дела заодно с его тверскими коллегами, начальство даже скупно похвалило его за участие в расследовании, выделили ему Толика Бахтина в помощники, обещали содействие. Сам председатель Следственного комитета генерал юстиции Алексей Борисович Гродин «осчастливил» Ивана похлопыванием по погону.

– Отцы и дети, значит? – вздохнул он и неодобрительно покачал головой.

– Это только версия, – заметил в который уже раз Иван. Его смущало то, с каким энтузиазмом версия о предварительномговоре Алисы Морозовой и Шестобитова была принята в разработку.

– Конечно, конечно, но мы обязаны, просто обязаны найти убийцу Андрея Петровича. И сделать это в кратчайшие сроки, – добавил Гродин. – Каков ваш план, майор?

Наталья Снегирева, похожая на француженку журналистка, была первым пунктом этого плана. Она сидела напротив Ивана, за дешевым столом из ДСП, в так называемом «open space» офисе. Кроме них, там почти никого не было, продолжались праздники. Так, парочка сонных редакторов на другом конце помещения.

– Скажите, вы отдаете себе отчет, что, публикуя статью, вмешиваетесь в ход расследования преступления? – спросил Иван, а журналистка посмотрела на него так, словно он – бомж, от которого воняет.

– Я не обязана отвечать на ваши вопросы. Закон о свободе прессы...

– Меня не интересует ваш закон, – оборвал ее Иван. – Меня интересует, не прикрываете ли вы сознательно убийцу, не пытаетесь ли увести следствие в сторону и делаете ли вы это намеренно.

– Я даже не обязана слушать весь этот бред. Обращайтесь в наш юридический отдел, оставляйте там официальный запрос, пусть суд обяжет нас раскрыть наши источники.

– Послушайте, Наталья, вы не обязаны, конечно, но вы с вашей статьей поставили меня в сложное положение.

– Да что вы говорите! – фыркнула она. – А я-то хотела вам удовольствие доставить.

– Позвольте усомниться в этом. Ваша цель, на первый взгляд, – это расширение аудитории, увеличение посещаемости сайта, привлечение рекламодателей. Именно поэтому вам так

нужны громкие статьи. Однако есть и второй взгляд. Кем бы ни был убийца, вы дали ему знать, что именно нам известно. Случайно, ненамеренно? Я не так уверен в этом. Я могу допустить, что вы можете быть соучастницей. Я могу получить ордер на ваш арест, я могу поставить прослушку на весь ваш офис. Видите, я с вами вполне откровенен. Благодаря вашей статье дело получило такой резонанс, что это стало вопросом нашей полицейской чести.

– Вы меня запугиваете?

– Я с вами веду оперативную работу. Слив информацию, вы дали убийце возможность подчистить следы. В данный момент я устанавливаю вашу с ним связь. Что именно я устанавливаю в процессе расследования – одному богу ведомо. Мало ли у вас с вашим изданием грехов? Вы же понимаете меня? Вот ваш непосредственный руководитель меня понял, поэтому я сижу здесь, с вами. Он – ваш непосредственный руководитель – умный человек и не хочет проблем. И потом, я объяснил ему, что мне даже не нужны ваши официальные показания. Мне нужна только информация, ответы на некоторые интересующие меня вопросы. И, признаюсь, вы ведете себя так убедительно, что я уже готов отступить.

– Seriously?

– Конечно. Я готов прийти к выводу, что мои подозрения в отношении вас вполне обоснованны. К сотрудничеству вы не готовы. Упираетесь – хотя в нашем разговоре нет никакой для вас опасности. Придется проводить проверку. В конце концов, вы же так хотели официальных вызовов. Так ведь, Наталья... простите, не знаю вашего отчества. Но я узнаю, это не проблема.

– Что вы хотите знать? – наконец сломалась она. Молодая, зеленая. В переделки еще не попадала, на допросах не сидела. Может, посидела бы, стала бы осторожнее. Впрочем, не она же принимала решение опубликовать ее писанину.

– Кто, когда и как предоставил вам эту информацию?

– Я же сказала, я не могу сдавать свои источники! – возмутилась она.

– Вы знаете, у нас уже уволили сотрудника за этот слив. Его зовут Сергей Черток. Его начальник тоже пострадал. Давайте поступим так: если это был не он, вы мне так и скажете – это был не он. И я хотя бы смогу помочь человеку, он не лишится работы. А если это он – вы не станете ничего говорить. Ни подтверждать, ни опровергать. И я просто оставлю все, как есть. Ничего не стану делать с этой информацией. Итак, Наташа, это был Сергей Черток? Он предоставил вам материалы экспертизы и прочие документы?

– Я ничего не стану говорить, – пробормотала Снегирева после долгой паузы. Иван выдохнул и кивнул.

– Хорошо. Скажите, почему вы решили, что Морозова убили из-за его финансовых дел? Это была ваша журналистская версия или ее вам предоставил неизвестный информатор вместе с документами?

– Это была наша версия. Одна из... Предположительно...

– Это я понял. Наташа, скажите, а вы знаете, что у погибшего Морозова были родственники?

– Родственники? У него родители в Беларуси, а так... только дочь есть. Других родственников мы не обнаружили.

– Дочь? Но вы ни словом не упоминаете о ней в вашей статье. Почему?

– Разве это важно? – нахмурилась Снегирева. Вздохнула и включила компьютер. Кажется, она немного расслабилась. – Понимаете, мы тоже не хотим быть необъективными.

– Я понимаю, – кивнул Иван, с усилием удержавшись от едкого комментария. – И все же странно. Дочь у него живет в трехкомнатной квартире на Мичуринском проспекте, студентка МГУ, одевается от кутюр.

– Я понятия не имею, как она одевается. А в МГУ она поступила, между прочим, по олимпиаде.

– Может быть, папа ей олимпиаду купил?

– Не знаю, – покачала головой журналистка. – Только не думаю. Алиса Морозова закончила школу с красным дипломом, выигрывала не только школьные и региональные, но и международные олимпиады – по математике и физике. У нее есть статьи в их изданиях, а конкретно в журнале «Вычислительные методы и программирование». Я нашла ее материалы в свободном доступе. Насколько я понимаю, она – одна из лучших студенток на факультете, так что, думаю, у нее не было проблем с поступлением.

– Хорошо, а квартира? И потом, она ведь теперь остается наследницей всего имущества.

– Квартира на Мичуринском и так принадлежит ей. Получила по приватизации еще десять лет назад.

– Не понимаю, как она могла получить квартиру десять лет назад? Она же была ребенком?

– Я не знаю. Но собственность зарегистрирована десять лет назад – и на нее, больше ни на кого. Видимо, бабка с дедом так решили.

– Бабка с дедом?

– Ну да. Ее дед по материнской линии был профессором в МГУ, ему-то квартиру и дали еще в советские времена. Уж что там дальше было – не знаю, но только Морозов никогда квартирой не владел. Зачем же я буду писать о человеке, который ни по каким объективным данным в грязные дела Морозова замешан не был? Дети, знаете ли, не в ответе за дела отцов.

– Много вы знаете о морозовских делах, – скривился Иван.

Третьяков довольно долго простоял на выходе из здания, курил и дышал холодным воздухом, пытаясь справиться со злостью – на самого себя. Каким идиотом надо быть, чтобы не проверить такие простые факты? С чего он, Иван, решил, что квартира принадлежала Морозову? Что он вообще знает об Алисе Морозовой, кроме того, что она любит дорогую одежду и самым подозрительным образом сбежала от него из Твери? Ах, да, и то, что у нее отличная память на цифры. Подозрительная личность? В ресторанах у папы она не появлялась, на дачу к нему не ездила, квартира ей досталась еще от бабушки, а раз так, мотивом убийства Морозова никак не могла стать. Версия с наследством начинала растекаться, как пятно от разлитого кофе.

К вечеру пятого января Ивану удалось поговорить с некоей Нелли Лапиной, главным бухгалтером компании «Форсаж Логистикс». Мобильный номер генерального директора Шестобитова не отвечал, абонент был недоступен, а Нелли Михайловна Лапина, напротив, ответила сразу. Третьяков и сам предпочитал для начала пообщаться с кем-то еще, так что это было даже к лучшему. Узнав, в чем дело, Лапина тут же согласилась принять Третьякова у себя дома. Уютная квартира в относительно новом доме на Ходынском поле, деловая, хваткая женщина лет около сорока пяти. Ухоженная, но какая-то поношенная, что ли. Впрочем, в свое время наверняка красивая. Время жестче всего к женщинам.

Лапина с готовностью подтвердила, что Андрей Петрович был практически единственным собственником их компании, но в делах участия почти не принимал. Больше того, Лапина сказала, что Морозов к состоянию дел компании был более чем равнодушен.

– Seriously? В такое трудно поверить, – развел руками Третьяков.

– Морозов приезжал к нам один, может быть, два раза в месяц, – пожала плечами Лапина. – Мог просто кофейку попить, поболтать с менеджерами о какой-то ерунде и уехать. Если нужно было какой-то вопрос решить, он всегда махал рукой и отправлял к Богдану.

– Богдан – это Шестобитов, главный директор?

– Да, к нему. Морозов так и говорит, что у Богдана на то и голова, чтобы думать. А ему и без того головной боли хватает. Нет, Морозову наши дела были безразличны. Он вообще, знаете ли... был из тех, кто живет сегодняшним днем. Любил выпить, охоту любил.

– А женщин? Любил Морозов женщин? – спросил Иван.

– Ну, у него кто-то бывал, конечно, но больше так, не всерьез.

– А вы так хорошо знаете его личные дела? – подколот Иван.

Лапина нахмурилась.

– Я, конечно, в его личные дела никогда не лезла, но вот знаю, что серьезные отношения его не интересовали.

– Откуда знаете, если не секрет? – продолжал настаивать Иван.

Лапина запнулась, встала и спросила, не будет ли Иван возражать, если она закурит.

– Я бы и сам покурил, – кивнул он. – Может быть, вас угостить сигареткой?

– Я курю только свои, – покачала головой Лапина и достала узенькую пачку сигарет «Kiss».

Запахло клубничным дымом. Лапина сделала несколько затяжек, а потом рассказала, как Морозов в свое время подкатывал к одной из сотрудниц. У них даже было несколько свиданий, после которых все как-то заглохло, несмотря на то, что сотрудница очень даже хотела продолжения. Однако вызванный на откровенный разговор Морозов заявил, что никогда не женится, потому что не хочет травмировать дочь.

– Травмировать дочь? – удивился Иван.

– Знаете, он ей сказал, что не хочет, чтобы все было, как в сказке, – рассмеялась Лапина.

– В каком смысле?

– Он женится на доброй женщине, чтобы была новая мать для ее сироты-дочери, а мачеха ее потом заставит разбирать гречку и горшки чистить. Ну, как у Золушки.

– Понял, Нелли. А знакомая эта ваша... Как с ней можно было бы пообщаться? – спросил Третьяков.

Лапина сделала глубокую затяжку.

– Она давным-давно уволилась, мы с ней не общаемся, я и имени-то ее не вспомню, если вы меня спросите, – сказала она и выдохнула клубничным дымом Ивану в лицо.

Тот кивнул и не стал больше уточнять, чтобы не ставить Лапину в неудобное положение. Было ясно, что «знакомая» – это она сама.

– Знаете, Нелли, только одно меня удивляет. Как я понимаю, Морозов не хотел ни с кем близко сходиться, чтобы не испортить жизнь дочери. Но ведь дочь у него уже вполне взрослая девушка.

– Ага, взрослая! – воскликнула Лапина с неожиданной злостью в голосе. – Только вот Андрей Петрович считал, что пока человеку двадцать один год не исполнится, его взрослым считать нельзя. Вот такая философия.

18

Похороны назначили на шестое января, в канун Рождества. Задерживать еще больше не дали родители Морозова. Только приехав из Белоруссии, они тут же устроили скандал. Звонили в Тверь, звонили Мануйлову и Ивану, требуя немедленно обеспечить все нужные документы. И так задержали, говорили они. По-человечески – до третьего дня хоронят, но экспертизы, транспортировка, организация похорон – все это заняло много времени. Хоронили, как подобает, на Троекуровском кладбище, со всеми почестями, с отпеванием и прощанием в Большом прощальном зале на пятьсот мест.

Алиса Морозова была бледна и еще более печальна в длинном черном пальто с большими пуговицами в два ряда. В красивой черной шляпке, в блестящих перчатках и лакированных сапогах, она снова напомнила Ивану наследную принцессу на формальном выходе. Едва увидев Ивана в толпе одетых в форму людей, Алиса вздрогнула, и взгляд ее стал ледяным, как дымящийся огненно-холодный жидкий азот. Она плотно сжала губы и демонстративно отвернулась. Больше за все похороны она не удостоила Ивана взглядом. Иван знал: ей рассказали о том, что человека, ответственного за статью, уже уволили. Иван знал, что она знает – это был не он. Это не помогло, и Алиса Андреевна Морозова сознательно избегала Ивана, словно его вовсе не существовало, словно он был пустым местом. Держалась рядом с каким-то высоким тощим хмырем-сверстником, с которым пришла. Иван на общении не настаивал. Шестого января их оперативно-разыскной группе дали санкцию на организацию прослушивания и внешнего наблюдения за Алисой Морозовой. Руководство требовало результата – по горячим следам, и меньше всего Иван хотел привлекать к себе сейчас ее внимание.

Уже после того как долгая и мучительная официальная часть похорон была закончена, честь отдана, выстрелы разорвали тишину кладбища и все перебрались в поминальный зал, к Ивану подошел мужчина в штатском, лицо которого показалось Ивану смутно знакомым, и спросил, хмыкнув, сколько же это, должно быть, стоит – место на Троекуровском кладбище. Вопрос был интересный, и Ивану он тоже в голову приходил. Вряд ли Морозову выделили такое место бесплатно, от государства – все-таки не того ранга птица. Впрочем, может, из-за громкого дела...

– У Андрея тут жена похоронена, – услышал Иван женский голос, надтреснутый, с хрипотцой. Обернулся и увидел пожилую, лет под семьдесят, приятную женщину в черном платке и темно-синем вязаном платье в пол. В руках женщина держала тарелочку с бутербродами и бокал вина.

– Не знал, – удивленно кивнул Иван.

– Да, мало кто знает. Она умерла почти пятнадцать лет назад, тогда у ее отца было место на этом кладбище. Он его вообще-то для себя покупал, – добавила женщина, отпив из бокала. – А вот вышло, что он до сих пор живет, а Светочки нет.

– Светочка... это...

– Мама Алисы, – пояснила женщина.

– Ах да, конечно, – Иван улыбнулся одними кончиками губ. – Меня, кстати, зовут Иваном. Иван Третьяков. Работал вместе с усопшим. А вас, простите...

– А я – Екатерина Эльдаровна. Мы с Андрюшей дружим много лет. То есть дружили, конечно же, – поправилась женщина. – Господи, поверить не могу, просто не могу. Мы с Олечкой ведь его вот только видели, прямо перед отъездом! Веселый был, на охоту собирался.

– Вы с ним на даче виделись? – уточнил Третьяков. – А когда, не подскажете?

– Это было где-то в середине декабря. Мы с Олечкой поехали посмотреть, что и как, потому что потом мы уехали в Италию, на лыжах кататься. Знаете, я-то к лыжам спокойна,

а Олечка страсть как лыжи любит. Я-то лучше бы на даче осталась. Хотя... как подумаю, что если б я там была, я, может, наткнулась бы на этого... на убийцу...

– Как бы вы на него наткнулись? – переспросил Третьяков.

– Ну я же часто к Андрею заходила, у нас дома на одной улице. Когда муж мой жив был, так мы вообще, считай, так друг у друга и пропадали. Да и сейчас он меня часто звал, мы с ним то посидим, то выпьем, то я ему котлет пожарю. Олечка-то к даче спокойна, только из-за меня и ездит.

– А вы, наверное, и есть тетя Катя Никитина, – предположил Иван, и женщина улыбнулась, ее щеки вспыхнули румянцем.

– Это меня так, наверное, Алисочка назвала? Так и привыкла – тетя Катя, тетя Катя. Ой, бедная девочка. Теперь и отца нет. Как же она теперь будет, бедная сиротинушка? – Екатерина Эльдаровна всхлипнула. Иван положил руку ей на плечо.

– Жалко ее, действительно. А она была сильно привязана к отцу?

– Алиса? Да она в нем души не чаяла. Буквально души не чаяла. Да и он в ней, – снова глаза у нее наполнились слезами.

– А я слышал, что Алиса с отцом мало общалась, никогда на дачу с ним не ездила, держалась обособленно, – подбросил наживку Иван, и глаза Екатерины Эльдаровны тут же просохли. Она посмотрела на Ивана так, словно обвиняла его в краже.

– Да кто вам такую глупость посмел сказать. Да Алиса об Андрее только и заботилась, звонила ему каждый день, и он ей – что до дачи добрался или что выезжает. Она ему с собой еду готовила. И вообще, глупости какие. Она никогда на его дачу бы не поехала!

– Да? Почему же? – уточнил Иван, отметив про себя момент про готовку еды.

Екатерина Эльдаровна помолчала, затем отставила бокал на ближайший столик и взяла Ивана под локоть.

– Андрей об этом не особенно любил говорить, вот никто и не знает, кажется, но после аварии Алиса же так в машинах ездить и боится. Знаете, до паники. У этого даже название есть – фобия. Она ведь до института – пешком, из института – пешком, в магазины – только в те, что рядом. Даже на лифтах не ездит. Андрей пробовал, нанимал психолога, к ним домой ходил какой-то мужчина из МГУ. Только пользы никакой, так Алиса и живет.

– После аварии? – нахмурился Иван.

– Так вы что, не знаете? – искренне изумилась Никитина.

– Нет, не знаю.

– Когда Алисе еще не было и шести лет, они все втроем попали в ужасную аварию. В ужасную, поверьте, я знаю. Я навещала их в больнице. Это была страшная катастрофа! Боковое столкновение! Какой-то пьяный отморозок летел по зимней дороге на сумасшедшей скорости, ну и вылетел на встречную полосу. Такие вещи, как говорил мой Олежек, происходят за доли секунды. Знаете, говорят, когда водитель видит, что авария неминуема, так он инстинктивно выворачивает руль, чтобы уйти от удара. Вот именно так все и произошло, Андрей пытался уйти от столкновения, и удар пришелся по передней двери справа. Светочка погибла сразу, а Андрюшу выбросило из машины на шесть метров в сторону, в кювет, можете себе представить, какая была сила удара. Ой, как он убивался, все себя винил в Светочкиной смерти. Если бы тот отморозок сам на месте не погиб, Андрей бы сам его убил. Он же ведь так больше и не женился, вы знали?

– Да, я слышал.

– Да, он всего себя посвятил дочери. Другой бы через год в дом другую привел, но не Андрей. Такой хороший был человек, какая потеря! – Никитина снова всхлипнула и откусила от бутерброда.

– А Алиса? – спросил Иван.

– Что – Алиса? – переспросила она.

– Что с нею было? – уточнил Третьяков, и Никитина кивнула.

– Ой, говорю вам, трагедия. Алиса же сидела на заднем сиденье, прямо за Светочкой, понимаете? Машину от удара всю перекорежило. Андрей был без сознания, а Алису зажало в машине. А у нее и нога была сломана, и бедро, и вообще, ее потом, считай, еще год по кусочкам собирали. Просидела в машине почти час, пока ее оттуда вынули. Так и не забыла, бедная девочка, хотя ведь была совсем крохой. Но помнит. До сих пор хромает.

– И не переносит поездок на автомобилях, да? – сказал Иван с неожиданной злостью. Екатерина Эльдаровна растерянно кивнула.

– Не только на автомобилях. Говорю вам, даже на лифтах не ездит... по возможности. Но автомобили – это для нее прямо табу. Ой, Олечка! – Женщина повернула голову и помахала рукой симпатичной светловолосой женщине в ярко-синей офицерской форме. Майор юстиции.

– Это ваша дочка? – присвистнул Иван. – Ничего себе!

– Да, это моя дочка! – гордо добавила Никитина, подзывая к себе молодую светловолосую женщину. – Олечка, ты к Алисе подошла?

Никитина-младшая грустно улыбнулась и кивнула матери. Екатерина Эльдаровна представила их друг другу. Иван – Ольга. Ольга – Иван... Простите, забыла вашу фамилию... Да-да, Третьяков. Представляешь, Оля, он работал с Андрюшей. Да, очень приятно. Да, трагедия. Не умещается в голове. Как вам Италия в это время года? Я? Нет, никогда не был. Лыжи с детства ненавижу, еще со школы.

Третьяков механически кивал, отвечал и смеялся в ответ – негромко, в рамках приличий, он пожимал руки, сочувственно хлопал людей по плечам, а сам вспоминал, как Алиса Морозова сидела в его машине всю дорогу до Твери, словно парализованная, и почти не дышала. Вела себя подозрительно, значит? Дурак ты, Третьяков.

19

– То, что она в детстве попала в аварию, вовсе не означает, что она невиновна! – стукнул кулаком по столу подполковник Мануйлов. – Ты хоть понимаешь, что у нас никаких других версий нет? Надо мной люди из Следственного комитета так и висят – с топором, того и гляди, голову отрубят, к чертовой матери.

– Прямо по Достоевскому! – усмехнулся Толя Бахтин.

– Только я тебе, Бахтин, не старуха-процентщица. Нужны нормальные версии, понимаешь? Дело же громкое!

– В этом-то и проблема, что нет никаких других версий, – пробубнил себе под нос Третьяков. – Расшифровка ноутбука Морозова показала, что он там держал личную переписку, фотографии дочери и прочие личные фотографии, видео всякие... я извиняюсь, в том числе не самого пристойного характера. Но ничего такого, все в рамках нормы.

– Расскажите-ка мне про эту так называемую норму поподробнее, Третьяков, – сощурился Мануйлов, а Толик Бахтин хохотнул.

– Никаких изысков, обычное «девочка и мальчики» видео, да и немного.

– Норма, значит... – фыркнул Мануйлов. – Что еще?

– Еще то, что связь Алисы Морозовой с Шестобитовым не подтвердилась. Наблюдение за Морозовой и прослушивание тоже не дали никаких результатов.

– Так-таки никаких? Ну не верю я в безгрешных людей. Даже в юных студенток, – сощурился Мануйлов, которому очень не хотелось расставаться с перспективой закрыть дело.

– Морозова большую часть времени просидела дома, – отрапортовал Бахтин. – Звонила однокурсникам, также связывалась с Ольгой Олеговной Никитиной.

– Интересно, зачем?

– Ольга Никитина – дочь Екатерины Эльдаровны Никитиной, с которой Алиса Морозова хорошо знакома с самого детства.

– С Ольгой?

– Нет, с Екатериной Эльдаровной. Но Ольга Никитина работает в Следственном комитете, в связи с чем Морозова и решила к ней обратиться – по старой дружбе, как говорится. Пыталась узнать, нет ли у той доступа к статистике по всем убитым. А конкретно ее интересовала статистика по людям, отравленным флунитразепамом, – зло ответил Третьяков.

Мануйлов посмотрел на Бахтина, тот кивнул и развел руками.

– И что? Узнала?

– Никитина обещала ей посмотреть, затем позвонила следователю, сообщила о разговоре, запросила инструкции. А уж следователь позвонил мне. В общем, все, как обычно, вот только... – Третьяков поднял голову и посмотрел в глаза начальнику.

– Что – только?

– Вы же понимаете, что именно она пытается сделать?

– Почему это я должен понимать? Ничего я не хочу понимать, – закудахтал Мануйлов.

Третьяков отвел взгляд, и Мануйлов только тяжело вздохнул.

– Да ладно, не отводи глаза. Значит, девочка решила самостоятельно найти убийцу отца? Хочет восстановить справедливость? А тебе не приходило в голову, что, может быть, она приговаривается? Ладно, Ваня, что там у вас по Шестобитову?

– Шестобитов Богдан Витальевич улетел из Москвы в Патайю еще двадцать шестого, до настоящего момента не вернулся. Данные на границе мы проверили, – сухо отрапортовал Толик.

– По сведениям главного бухгалтера фирмы Нелли Лапиной, он не планировал возвращаться раньше десятого, – добавил Иван. – Купил путевку на две недели. Сказал, что акклиматизация такая, что на меньший срок и ехать не хочет.

– Не люди, а сплошные «турысты»! – возмутился Мануйлов. Сел в кресло, перелистал материалы дела, покачал головой. – Значит, у нас нет никаких версий? Вы это мне хотите сказать? Такая у вас оперативная информация?

– Николай Степанович, я сейчас проверяю информацию по флуниотразепаму... – переключился Иван. – У препарата несколько производителей, а также достаточное количество аналогов, таких, как рогинпол или гипнодорм. В больших объемах выпускается израильской компанией «Тева», но есть и другие производители. Правда, химический состав у них отличается от того, которым усыпили Морозова, поэтому их можно отбросить. Сам по себе препарат, конечно, рецептурный, применяется в лечении бессонницы, неврологических расстройств, шизофрении, однако сегодня его назначают крайне редко. Старую же форму, без запаха и цвета, в России практически невозможно найти. Как я уже говорил, ее производство было остановлено еще в середине девяностых.

– Но кто-то же как-то нашел и использовал! Складские остатки проверяли? – воскликнул Мануйлов.

Третьяков сделал паузу и кивнул.

– Проверяли. Нет никаких остатков, за столько лет все давно уничтожено и заменено. Но я вчера запросил данные по трупам, в крови которых обнаружены следы флуниотразепама. Эта идея мне сразу показалась правильной, хоть ее предложила и дочь убитого. Сами же говорили, препарат редкий. Сегодня мне прислали данные из аналитического отдела. Вы совершенно правы, Николай Степанович. Именно так – кто-то как-то нашел и использовал.

– Что? Что ты такое говоришь? – Мануйлов вскочил.

– Причем использовали не один раз, – невозмутимо продолжил Иван. – Допускаю, что то, что я накопал, это не все. Наши базы данных несовершенны. Не вся информация в них попадает – это раз. И не по всем данным можно вот так взять и отсортировать базу – это два. И потом – это же не отпечатки пальцев, многие протоколы в базу вообще не загружают, особенно если брать по периферии.

– А нам не надо по периферии, – прошипел начальник, расстегивая пуговицу под воротником. – У нас Тверская область, ну, на крайний случай, Москва и околотов.

– Тут уж, как говорится, что выросло, то выросло.

– И что? Сколько? – спросил начальник угрюмо, словно знал и не одобрял продолжения. Иван опешил.

– Чего сколько? Флуниотразепама?

– Сколько ты, Третьяков, нашел случаев? Ты же к этому клонишь, так? Ну, так и говори, не тани кота за причинное место.

– Пять, – кивнул Иван. – Если с Морозовым – то всего шесть.

– Шесть трупов? И все шесть – именно с флуниотразепамом?

– Шесть нераскрытых убийств, – уточнил Иван. Начальник покачал головой. Иван вздохнул и продолжил: – И не просто с флуниотразепамом, а именно с тем самым – без вкуса и запаха, который производился в восьмидесятые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.